

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС77-83382
от 03.06.2022 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».
№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес учредителя:
410028, г. Саратов,
ул. Рабочая, д. 24

Редакция:
Институт аграрных
проблем – обособленное
структурное
подразделение
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес редакции:
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЕМЯН ПОДСОЛНЕЧНИКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАгП РАН

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE EXPANSION OF SUNFLOWER SEED PRODUCTION IN RUSSIA

-4-

*Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

ОСОБЕННОСТИ ВЕКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАгП РАН

FEATURES OF THE VECTOR OF REGIONAL DIFFERENTIATION OF FOOD CONSUMPTION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

-15-

*Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ПРЕДПРИЯТИЙ КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Липницкая В.В., к.э.н., Кулага И.В., к.э.н., УО «Белорусский государственный
аграрный технический университет»,*

*Бурачевский А.А., к.э.н., Государственное научное учреждение «Научно-
исследовательский экономический институт Министерства экономики
Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь*

RAW MATERIAL BASE OF THE ENTERPRISES OF THE LEATHER INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

-24-

*Lipnitskaya V.V., candidate of economic sciences, Kulaga I.V., candidate of economic
sciences, Educational Institution Belarusian State Agrarian Technical University,
Burachevsky A.A., candidate of economic sciences, State Scientific Institution
“Scientific Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic
of Belarus”, Minsk, Republic of Belarus*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

LIVING STANDARDS AND STRATEGIES FOR IMPROVING THE MATERIAL WELL-BEING OF RURAL FAMILIES WITH CHILDREN

-35-

*Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**СОЦИАЛЬНЫЙ И СОЦИОРЕСУРСНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ
ФЕРМЕРСКОГО СЕГМЕНТА**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

**SOCIAL AND SOCIAL AND RESOURCE CONTEXT OF DEVELOPMENT
OF THE AGRICULTURAL SECTOR**

-46-

*Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 4-14.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 4-14.

Научная статья
УДК 332.54

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЕМЯН ПОДСОЛНЕЧНИКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Юрий Павлович Бондаренко
Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, Bondarenko-YP@mail.ru

Аннотация. Предложена авторская методика построения типологии регионов страны по наличию базового потенциала для сохранения темпов роста объёмов производства семян подсолнечника. Исследование показало существенную дифференциацию регионов по экстенсивным и интенсивным возможностям роста производства подсолнечника, как за счёт наличия размеров неиспользуемой пашни, так и уровня эффективности использования основных фондов сельского хозяйства. По укрупнённым статистическим группам выделенных регионов выявлена тенденция повышения общего износа сельхозфондов в динамике последних лет, а также значительное увеличение доли полностью изношенных фондов, что может негативно повлиять на дальнейший рост производства подсолнечника.

Ключевые слова: производство семян подсолнечника, регионы России, износ и обновление основных фондов, типология по потенциалу роста производства, сохранение темпов производства подсолнечника в регионах.

Для цитирования: Бондаренко Ю.П. Тенденции и перспективы расширения производства семян подсолнечника в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 4-14.

Original article

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE EXPANSION OF SUNFLOWER SEED PRODUCTION IN RUSSIA

Yuri P. Bondarenko
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
Bondarenko-YP@mail.ru

Abstract. The proprietary methodology for constructing a typology of the country's regions based on the availability of basic potential to maintain the growth rate of sunflower seed production is proposed. The study showed a significant differentiation of regions in terms of extensive and intensive growth opportunities for sunflower production, both due to the size of unused arable land and the level of efficiency of using fixed assets of agriculture. According to the enlarged statistical groups of the selected regions, a tendency to increase the overall deterioration of agricultural funds

in recent years has been revealed, as well as a significant increase in the share of completely worn funds, which may negatively affect the further growth of sunflower production.

Key words: *sunflower seed production, regions of Russia, deterioration and renewal of fixed assets, typology of production growth potential, maintaining sunflower production rates in the regions.*

For citation: *Bondarenko Yu.P. Trends and prospects for the expansion of sunflower seed production in Russia. Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2):4-14. (In Russ)*

Введение.

Объёмы производства семян подсолнечника в России за последние два десятилетия увеличились в три раза, а в 2023 году был поставлен абсолютный рекорд за весь постсоветский период валового сбора (17,3 миллионов тонн). На устойчивую динамику валовых сборов семян подсолнечника свыше 10 млн. т сельхозтоваропроизводители вышли с 2016 года, но анализ регионального пространства России по показателям производства семян подсолнечника выявил значительную межрегиональную дифференциацию, когда вклад каждого из регионов существенно различается между собой.

Цель исследования состоит в анализе количественных и качественных характеристик производства семян подсолнечника в региональном пространстве России. Классификация регионов по уровню необходимой поддержки для обеспечения материально-технической базы предприятий АПК, необходимой для сохранения потенциала роста производства семян подсолнечника.

Методика исследования заключается в расчётах и сопоставлении динамики усреднённых значений показателей производства семян подсолнечника в региональном пространстве страны в 2016-2023 годах, когда объёмы валовых сборов устойчиво составили свыше десяти миллионов тонн. Для исследования был отобран 21 регион, где среднегодовые объёмы производства семян подсолнечника в 2021-2023 годах составляли свыше 100 тысяч тонн, и на долю которых приходилось 97% валового сбора подсолнечника России. Расчёт усреднённых показателей за указанную динамику лет позволял сглаживать пиковый рост или падение производства семян подсолнечника в отдельные годы в отдельных регионах. Методической основой для проведения исследования являются более ранние работы, как самого автора, так и других исследователей, посвящённые анализу развития сельского хозяйства различных регионов России, а также проблемам оценки потенциала и дальнейшего прогнозирования возможных объёмов аграрного производства [1-20]. Информационной базой для исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации [21-23].

Результаты исследования.

Выделенные для исследования регионы были проранжированы по степени снижения средних значений валовых сборов семян подсолнечника за 2021-2023 годы.

По представленным в таблице 1 результатам расчётов можно проследить, что лидером по объёмам производства подсолнечника на зерно является Саратовская область, которая производит семян подсолнечника в среднем в 18,5 раза больше, чем Республика Адыгея, занимающая последнее место по объёмам производства. Только в семи регионах среднегодовые объёмы производства подсолнечника превышают миллион тонн, и на эти регионы приходится 61,7% от валового сбора страны. В девяти регионах производство семян подсолнечника составляет в среднем от 350 до 900 тысяч тонн, на долю которых приходится 30,2% от производства подсолнечника страны. В пяти регионах производится в среднем от 110 до 250 тысяч тонн семян подсолнечника, что составляет 5,1% от валового сбора страны.

Таблица 1 – Регионы, ранжированные по степени снижения средних значений валовых сборов семян подсолнечника за 2021-2023 годы, где среднегодовые объёмы производства подсолнечника на зерно составляли свыше ста тысяч тонн

№	Регионы	Валовой сбор семян подсолнечника, тыс. тонн			Урожайность подсолнечника на зерно, ц с 1 га убранной площади			Убранные площади подсолнечника на зерно, тыс. га		
		среднее за 2016-2018 гг.	среднее за 2021-2023 гг.	Рост/спад в %	среднее за 2016-2018 гг.	среднее за 2021-2023 гг.	Рост/спад в %	среднее за 2016-2018 гг.	среднее за 2021-2023 гг.	Рост/спад в %
1	Саратовская область	1293	2040	57,8%	11,5	14,0	21,4%	1123	1459	29,9%
2	Ростовская область	1345	2029	50,9%	20,2	22,3	10,2%	665	910	36,9%
3	Волгоградская область	778	1303	67,6%	14,1	17,0	20,1%	550	768	39,5%
4	Оренбургская область	807	1271	57,5%	10,0	12,4	23,8%	808	1029	27,3%
5	Воронежская область	955	1246	30,6%	23,0	26,6	15,7%	416	469	12,9%
6	Краснодарский край	1029	1231	19,6%	24,3	25,9	6,6%	424	476	12,1%
7	Самарская область	785	1016	29,4%	13,7	14,6	6,5%	571	694	21,5%
8	Алтайский край	564	916	62,3%	9,9	12,1	21,7%	568	757	33,3%
9	Тамбовская область	619	897	44,9%	18,2	22,6	24,0%	340	373	9,7%
10	Ставропольский край	555	549	-0,9%	18,4	20,1	8,9%	301	274	-9,0%
11	Пензенская область	311	536	72,6%	14,2	18,0	26,6%	219	298	36,3%
12	Белгородская область	359	497	38,5%	25,4	27,6	8,8%	141	180	27,3%
13	Липецкая область	339	452	33,3%	20,1	22,8	13,8%	169	198	17,1%
14	Республика Башкортостан	274	398	45,1%	12,4	14,4	16,3%	222	277	24,8%
15	Ульяновская область	246	372	50,8%	12,1	14,8	21,9%	203	252	23,8%
16	Курская область	325	350	7,6%	22,9	25,3	10,3%	142	139	-2,5%
17	Республика Татарстан	157	257	63,6%	13,4	15,5	15,8%	118	166	41,3%
18	Орловская область	128	197	54,0%	21,9	24,2	10,2%	59	82	39,7%
19	Рязанская область	66	156	137,5%	17,0	23,6	38,7%	39	66	71,2%
20	Челябинская область	69	112	63,7%	9,8	10,2	4,0%	70	120	70,3%
21	Республика Адыгея	80	110	38,6%	15,9	19,4	22,4%	50	57	13,2%

Урожайность подсолнечника за последние семь лет выросла во всех исследуемых регионах, но степень роста урожайности имеет существенную межрегиональную дифференциацию. Меньше всего урожайность подсолнечника увеличилась в Челябинской области – всего на 4%, или на 0,4 ц с 1 га убранных площадей. Больше всего урожайность – в Рязанской области (на 38,7%, или на 6,6 ц/га). При этом максимальная разница в среднегодовой урожайности подсолнечника в 2021-2023 годах составляла 2,7 раза между Белгородской областью (27,6 ц/га) и Челябинской областью (10,2 ц/га). То есть, уровень интенсификации производства подсолнечника на зерно имеет существенную межрегиональную дифференциацию даже среди близко расположенных регионов с похожими агроклиматическими условиями.

Посевные площади для выращивания подсолнечника за последние семь лет также расширялись во всех регионах, кроме Курской области и Ставропольского края, где площади под посевами подсолнечника немного сократились. Наибольший показатель темпа роста посевов подсолнечника показали Рязанская и Челябинская области, где площади посевов за семь лет увеличились более чем на 70%. Меньше всего площади подсолнечника увеличились в Тамбовской области – на 9,7%. То есть, максимальная разница по темпам роста посевов составляла 7,4 раза. Но при этом максимальная разница в посевных площадях подсолнечника составляла 25,6 раза между Саратовской областью (1459 тыс. га) и Республикой Адыгея (57 тыс. га). Другими словами, рост производства подсолнечника на зерно происходил в регионах не только за счёт роста урожайности, но и за счёт существенного вовлечения в оборот неиспользуемой пашни под посевы подсолнечника.

Чтобы ответить на вопрос, обладают ли исследуемые регионы потенциалом для дальнейшего расширения посевов подсолнечника, необходимо изучить количество имеющейся в регионах площади неиспользуемой пашни. Площадь неиспользуемой пашни в регионах рассчитывалась как разница между общей площадью пашни и общей посевной площадью, занятой под посевы всех сельскохозяйственных культур.

Из представленных в таблице 2 расчётов видно, что площади неиспользуемой пашни формально имеются во всех исследуемых регионах, которые составляют от 6,2% от общей посевной площади под всеми сельскохозяйственными культурами в Краснодарском крае до 85,1% в Волгоградской области. Если этот показатель сравнить с площадями посевов под-

солнечника, то оказывается, что в пяти регионах (Республика Адыгея, Краснодарский край, Тамбовская, Воронежская и Липецкая области) площадь неиспользуемой пашни значительно меньше площади существующих посевов подсолнечника, что практически исключает возможность дальнейшего роста производства семян подсолнечника экстенсивными методами, то есть за счёт расширения посевных площадей. В других пяти регионах (Белгородская, Самарская, Ростовская, Курская и Саратовская области) площадь неиспользуемой пашни равна площади под посевами подсолнечника, что создаёт возможности для небольшого увеличения производства семян подсолнечника за счёт расширения посевов.

Таблица 2 – Количество пашни и посевных площадей в исследуемых регионах, в среднем за 2021-2023 гг.

№	Регионы	Общая площадь пашни, тыс. га	Общая посевная площадь под всеми сельскохозяйственными культурами, тыс. га	Площадь неиспользуемой пашни, тыс. га.	Площадь неиспользуемой пашни, в % к общей посевной площади всех сельхозкультур	Площадь посевов подсолнечника, в % к общей посевной площади всех сельхозкультур
1	Саратовская область	5981	4208	1772	42,1%	34,7%
2	Ростовская область	5953	4882	1071	21,9%	18,6%
3	Волгоградская область	5854	3162	2692	85,1%	24,3%
4	Оренбургская область	6115	4323	1791	41,4%	23,8%
5	Воронежская область	3045	2693	352	13,1%	17,4%
6	Краснодарский край	3985	3752	234	6,2%	12,7%
7	Самарская область	2937	2175	762	35,0%	31,9%
8	Алтайский край	6656	5282	1374	26,0%	14,3%
9	Тамбовская область	2128	1862	266	14,3%	20,0%
10	Ставропольский край	3999	3046	953	31,3%	9,0%
11	Пензенская область	2264	1507	757	50,2%	19,8%
12	Белгородская область	1645	1445	200	13,8%	12,4%
13	Липецкая область	1554	1400	153	10,9%	14,1%
14	Респ. Башкортостан	3663	2863	799	27,9%	9,7%
15	Ульяновская область	1658	1083	575	53,1%	23,2%
16	Курская область	1944	1685	258	15,3%	8,2%
17	Республика Татарстан	3413	2858	555	19,4%	5,8%
18	Орловская область	1570	1328	242	18,3%	6,2%
19	Рязанская область	1530	1079	451	41,8%	6,1%
20	Челябинская область	3058	1970	1088	55,2%	6,1%
21	Республика Адыгея	260	234	26	11,0%	24,3%

В Оренбургской области и Алтайском крае неиспользуемая пашня чуть больше чем в полтора раза превышает площади посевов подсолнечника, что повышает возможности увеличения производства семян подсолнечника экстенсивными методами. В остальных девяти регионах площадь неиспользуемой пашни превышает площадь посевов подсолнечника от двух с половиной раз и выше. На этом фоне выделяются Рязанская и Челябинская области, в которых неиспользуемая пашня больше посевов подсолнечника, соответственно, в 7 и 9 раз, что создаёт широкие возможности многократного увеличения производства семян подсолнечника за счёт лишь экстенсивных методов, без роста урожайности подсолнечника на зерно.

Дополнительно рассмотрим факторы износа и обновления основных фондов сельского хозяйства, имеющие самое непосредственное влияние на объёмы производства подсолнечника на зерно. В работе для исследования состояния и динамики движения основных фондов сельского хозяйства были использованы такие показатели, как: коэффициент обновления основных сельхозфондов, степень износа сельхозфондов, и удельный вес полностью изношенных сельхозфондов. На рисунке 1 представлены результаты расчётов динамики усреднённых среднегодовых коэффициентов обновления основных фондов сельского хозяйства.

Рисунок 1 – Динамика среднегодовых коэффициентов обновления основных фондов сельского хозяйства по выделенным регионам, где производство подсолнечника на зерно составляло свыше 100 тысяч тонн

Представленные на рисунке 1 результаты расчётов подтверждают, что в 10 регионах уровень обновления основных сельхозфондов за последние семь лет значительно сократился, что означает сокращение количества новых, современных и модернизированных материально-технических средств для сельскохозяйственного производства, и, как следствие, снижение возможности повышения эффективности и интенсивности аграрного производства, в том числе производства семян подсолнечника. В двух регионах (Саратовская область и Республика Адыгея) сложившийся уровень обновления основных фондов не изменился за исследуемую динамику лет, и здесь предполагается в целом сохранение достигнутого уровня интенсивности сельхозпроизводства. В девяти оставшихся регионах средний за 2021-2023 годы уровень обновления основных фондов сельского хозяйства вырос по сравнению со средним уровнем за 2016-2018 годы от одной шестой части как в Краснодарском крае, Самарской и Оренбургской областях, до двукратного увеличения в Ульяновской и Орловской областях. В этих девяти регионах имеются наибольшие предпосылки для увеличения производства аграрной продукции, в том числе и подсолнечника на зерно, за счёт современных технологий интенсификации производства.

Рассмотрим динамику среднегодовых значений степени общего износа основных сельхозфондов (рис. 2).

Рисунок 2 – Динамика среднегодовой степени износа основных фондов сельского хозяйства по выделенным регионам, где производство подсолнечника на зерно составляло свыше 100 тысяч тонн

Представленные на рисунке 2 данные показывают, что только в Оренбургской области степень износа основных сельхозфондов за последние семь лет сократилась всего лишь на полтора процентных пункта, что не сильно улучшает ситуацию ввиду того, что в Оренбургской области изношенность основных сельхозфондов одна из самых высоких среди рассматриваемых регионов. В Пензенской, Самарской, Рязанской и Орловской областях среднегодовая степень износа сельхозфондов не изменилась. В остальных 17 регионах износ сельхозфондов в 2021-2023 годах увеличился вплоть до половины по сравнению со среднегодовым уровнем 2016-2018 годов, а в Республике Адыгея, Алтайском крае, Белгородской и Ульяновской областях изношенность основных фондов сельского хозяйства перешагнула за 50%, то есть изношенными оказались более половины сельхозфондов. В тех регионах, где рост износа сельхозфондов был не настолько большим, общий уровень износа сельхозфондов всё равно вплотную приближается к 50%. Такая тенденция, если она продолжится, будет самым негативным образом влиять на возможности дальнейшего роста производства, в том числе и подсолнечника на зерно.

Рассмотрим показатель динамики среднегодовых удельных весов полностью изношенных основных фондов сельского хозяйства (рис. 3).

Рисунок 3 – Динамика среднегодовых удельных весов полностью изношенных основных фондов сельского хозяйства по выделенным регионам, где производство подсолнечника на зерно составляло свыше 100 тысяч тонн

Из рисунка 3 становится очевидно, что среднегодовой уровень полностью изношенных основных сельхозфондов сократился лишь в Волгоградской области на 0,3 процентных пункта, что является незначительной величиной по сравнению с имеющимся общим удельным весом полностью изношенных сельхозфондов, который больше величины сокращения в 37 раз. В остальных 20 регионах количество полностью изношенных сельхозфондов за последние семь лет только увеличивалось с разной степенью интенсивности. Лидерами такого анти рейтинга являются Челябинская и Ульяновская области, в которых количество полностью изношенных сельхозфондов увеличилось, соответственно, в 2,31 и 2,38 раза. Подобная негативная тенденция будет являться тормозящим фактором для роста объёмов производства подсолнечника на зерно в регионах страны.

Проведённое ранжирование регионов и их основные характеристики представлены в таблице 3.

Предложенные в таблице 3 результаты авторского ранжирования регионов подтверждают, что самым большим потенциалом для дальнейшего роста производства семян подсолнечника обладают только три из 21 исследуемых регионов. Данные регионы (Курская, Орловская и Рязанская области), хотя на данный момент и не являются локомотивами производства семян подсолнечника страны, но имеют хорошие шансы войти в их число благодаря

высокой урожайности подсолнечника, большим площадям неиспользуемой пашни для расширения посевов подсолнечника, высоким темпам роста обновления и низкому общему уровню износа основных сельхозфондов. Входящие во вторую группу регионов Белгородская, Ростовская и Воронежская области отличаются от первой группы только более ограниченными площадями неиспользуемой пашни, что не позволит значительно увеличивать производство подсолнечника на зерно за счёт только экстенсивных методов, то есть расширения посевов. Два региона третьей группы уступают регионам первых двух групп по уровню урожайности подсолнечника, но имеют хорошие шансы подняться до их уровня за счёт максимально благоприятных агроклиматических условий, хотя снижение уровня обновления сельхозфондов является серьёзным тормозящим фактором. Пять регионов четвёртой группы производят самый большой объём семян подсолнечника, но дальнейший рост валовых сборов будет происходить преимущественно экстенсивным путём за счёт расширения посевных площадей, так как урожайность здесь слишком низкая, а износ сельхозфондов увеличивается. По такому же сценарию, как и в четвёртой группе, будет происходить рост объёмов производства семян подсолнечника в пятой группе регионов, в которой темпы износа сельхозфондов ещё выше. В четырёх регионах шестой группы потенциал роста объёмов производства семян подсолнечника фактически полностью исчерпан, так как уровень урожайности подсолнечника достиг своего потолка, и практически отсутствуют площади неиспользуемой пашни для расширения посевов подсолнечника, обновление и модернизация материально-технической базы сельского хозяйства резко сокращается, а её износ увеличивается.

Таблица 3 – Классификация регионов по убывающему уровню потенциала дальнейшего увеличения объёмов производства подсолнечника на зерно

№ групп	Регионы	Кол-во регионов	Характеристика групп регионов
1	Курская, Орловская и Рязанская области	3	На долю данных трёх регионов приходится всего 4,3% валового производства семян подсолнечника страны, но они имеют самые высокие шансы на значительное увеличение этой доли. Данные регионы входят в шестёрку лидеров по урожайности подсолнечника на зерно, площадь неиспользуемой пашни многократно превышает площади посевов подсолнечника для возможности расширения посевов подсолнечника. Также входят в число лидеров по темпам роста обновления основных фондов сельского хозяйства, а общий износ фондов является самым низким, и составляет одну треть. И хотя износ сельхозфондов всё равно растёт, его темпы роста являются самыми низкими, что в меньшей степени ограничивает возможности интенсификации производства.
2	Белгородская, Ростовская и Воронежская области	3	Вторая по приоритету поддержки производства семян подсолнечника группа регионов, на долю которых приходится 23% производства семян подсолнечника страны. Вместе с первой группой регионов являются главными лидерами по урожайности подсолнечника, и отличаются от первой группы только соразмерной с площадью посевов подсолнечника площадью неиспользуемой пашни. Это уже не позволит хотя бы в два раза увеличить производство подсолнечника на зерно за счёт только расширения площади его посевов ввиду необходимости расширения посевов и под другими сельхозкультурами.
3	Волгоградская область, Ставропольский край	2	По урожайности подсолнечника на зерно немного уступают регионам лидерам, но максимально благоприятные агроклиматические условия и обширные площади неиспользуемой пашни создают хороший потенциал для роста объёмов производства семян подсолнечника как в экстенсивной форме (за счёт расширения посевов подсолнечника), так и в форме интенсификации (за счёт роста урожайности). Тормозящим фактором роста производства подсолнечника является значительное снижение уровня обновления основных сельхозфондов.
4	Республика Татарстан, Алтайский край, Ульяновская, Саратовская и Оренбургская области	5	Данные пять регионов производят одну треть от валовых сборов семян подсолнечника страны. Обладая достаточно значительными площадями неиспользуемой пашни для расширения посевов подсолнечника, уровень урожайности подсолнечника на зерно здесь значительно ниже даже среднероссийского уровня. Стимулирующим фактором увеличения урожайности являются одни из самых высоких темпов обновления и модернизации основных сельхозфондов, хотя при этом общий и полный износ сельхозфондов тоже продолжает увеличиваться, что снижает эффект от роста темпов обновления.
5	Республика Башкортостан, Пензенская, Самарская и Челябинская области	4	Данные четыре региона производят чуть более одной десятой части семян подсолнечника страны, и урожайность подсолнечника значительно ниже среднероссийского уровня. Обладая достаточно большими площадями для расширения посевов подсолнечника, состояние основных сельхозфондов не даёт больших надежд на рост урожайности подсолнечника, так как количество обновляемых сельхозфондов всё время сокращалось, а количество полностью изношенных сельхозфондов постоянно значительно увеличивалось.
6	Краснодарский край, Республика Адыгея, Липецкая и Тамбовская области	4	Последние четыре региона производят ровно одну шестую часть от валового сбора семян подсолнечника страны, и уровень урожайности подсолнечника на зерно здесь почти такой же как и в регионах-лидерах. Но потенциала роста производства подсолнечника в этих регионах нет, так как практически отсутствует площадь неиспользуемой пашни для расширения посевов подсолнечника, сокращается количество обновляемой материально-технической базы, и значительно растёт её как общий износ, так и количество полностью изношенных сельхозфондов.

Заключение.

В качестве общих выводов можно подчеркнуть, что производство семян подсолнечника в региональном пространстве России подвержено значительной дифференциации. Чтобы и дальше сохранялся достигнутый в последние годы темп роста объемов производства подсолнечника на зерно необходимо будет применять дифференцированные меры поддержки к регионам с разными типами потенциала роста производства семян подсолнечника. В данном исследовании было выделено шесть типов таких регионов, ранжированных по убывающему уровню потенциала для увеличения объемов производства подсолнечника.

Только три из 21 основных регионов-производителей семян подсолнечника обладают высоким потенциалом роста объемов производства подсолнечника на зерно. В четырех регионах, наоборот, потенциал роста объемов производства семян подсолнечника практически исчерпан, так как достигнутый высокий уровень урожайности, отсутствие возможности расширения площадей и недостаточный акцент на модернизации основных фондов сельского хозяйства, в лучшем случае, позволит только сохранить уже достигнутый уровень производства подсолнечника на зерно.

В остальных 14 регионах, сгруппированных в четыре типологические группы, потенциал роста объемов производства семян подсолнечника варьируется количественными ограничениями возможностей расширения посевных площадей за счёт площади неиспользуемой пашни, достигнутого уровня урожайности и уровня модернизации основных сельхозфондов. В совокупности по этим 14 регионам, в которых производилось в среднем за 2021-2023 годы 12,54 миллионов тонн семян подсолнечника или 76,4% от валовых сборов в стране, производство семян подсолнечника можно увеличить ещё как минимум в полтора раза. Другими словами, потенциал значительного роста объемов производства семян подсолнечника в большинстве регионов ещё существует, но уровень его реализации будет практически полностью зависеть от применяемой аграрной политики государства и дифференциации используемых мер поддержки.

Список источников

1. Бондаренко Ю.П. Влияние степени износа и обновления основных фондов сельского хозяйства на объёмы производства зерна в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 4. С. 74-82.
2. Бондаренко Ю.П. Региональные факторы роста производства зерна в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 8. С. 38-48.
3. Бондаренко Ю.П. Межрегиональные различия производства зерна в России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 1. С. 42-50.
4. Бондаренко Ю.П. Перспективы расширения посевных площадей в регионах России за счёт ввода в оборот неиспользуемой пашни // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022. № 5. С. 29-38.
5. Андриющенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. Эффективность использования основных фондов как фактор повышения конкурентоспособности региональных АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 5. С. 8-13.
6. Бондаренко Ю.П. Оценка государственного субсидирования сельского хозяйства России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 8. С. 55-61.
7. Андриющенко С.А., Шабанов В.Л., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Дифференциация стратегий развития агропродовольственных систем в регионах России, неблагоприятных для сельскохозяйственного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 56-65.
8. Бондаренко Ю.П. Оценка направлений повышения эффективности использования основных фондов сельского хозяйства в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 81-90.

9. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 3. С. 43–49.
10. Бондаренко Ю.П. Ресурсные факторы и ограничения инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 93-106.
11. Бондаренко Ю.П. Закономерности и тенденции формирования структуры экономического роста сельского хозяйства России в условиях межрегиональных различий развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 4. С. 99-108.
12. Андриющенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 5. С. 3.
13. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 1. С. 12.
14. Бондаренко Ю.П. Многоукладность аграрного сектора экономики России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 5. С. 52-58.
15. Бондаренко Ю.П. Прогноз развития сельского хозяйства в условиях неоднородности регионального пространства страны // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 2. С. 11.
16. Бондаренко Ю.П. Межрегиональные различия производственного потенциала агропродовольственного комплекса России на современном этапе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 1. С. 4.
17. Бондаренко Ю.П. Основные фонды сельского хозяйства в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 2. С. 11.
18. Бондаренко Ю.П. Ресурсные ограничения производственного потенциала агропродовольственного комплекса регионов России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2014. № 2. С. 7.
19. Бондаренко Ю.П. Факторы межрегиональной дифференциации в оценке потенциала экономического роста сельского хозяйства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2010. № 1. С. 5.
20. Бондаренко Ю.П. Фермерский сектор регионов в решении проблемы продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 8. С. 59-62.
21. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>
22. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/>
23. Статистическая информация Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

References

1. Bondarenko Yu.P. The impact of the degree of depreciation and renewal of fixed assets of agriculture on grain production in the regional space of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2023;(4): 74-82. (In Russ)
2. Bondarenko Yu.P. Regional factors of grain production growth in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2023;(8):38-48. (In Russ)
3. Bondarenko Yu.P. Interregional differences in grain production in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2023;(1): 42-50. (In Russ)
4. Bondarenko Yu.P. Prospects for expanding acreage in the regions of Russia by putting unused arable land into circulation. *The economics of agricultural and processing enterprises*. 2022;(5): 29-38. (In Russ)

5. Andryushchenko S.A., Kutenkov R.P., Bondarenko Yu.P. Efficiency of the use of fixed assets as a factor in increasing the competitiveness of regional agro-industrial complex. *Economics of agriculture of Russia*. 2021;(5): 8-13. (In Russ)
6. Bondarenko Yu.P. Assessment of state subsidies for agriculture in Russia. *The economics of agricultural and processing enterprises*. 2020;(8):55-61. (In Russ)
7. Andryushchenko S.A., Shabanov V.L., Bondarenko Yu.P., Vasilchenko M.Ya. Differentiation of strategies for the development of agro-food systems in regions of Russia unfavorable for agricultural production. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020;(3): 56-65. (In Russ)
8. Bondarenko Yu.P. Assessment of directions for improving the efficiency of using fixed assets of agriculture in the regional space of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020;(3): 81-90. (In Russ)
9. Bondarenko Yu.P. The impact of investments on the renewal and efficiency of the use of fixed assets in agriculture in Russia. *The economics of agricultural and processing enterprises*. 2019;(3): 43-49. (In Russ)
10. Bondarenko Yu.P. Resource factors and limitations of the innovative development of the agro-food complex in the regional space of Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019;(3): 93-106. (In Russ)
11. Bondarenko Yu.P. Patterns and trends in the formation of the structure of economic growth of agriculture in Russia in the context of interregional differences in development. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2019;(4): 99-108. (In Russ)
12. Andryushchenko S.A., Bondarenko Yu.P. Assessment of promising areas of innovative development of the production potential of the agro-food complex. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018;(5):3. (In Russ)
13. Bondarenko Yu.P. Prospects for the diversity of the agricultural sector in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2016;(1): 12. (In Russ)
14. Bondarenko Yu.P. The diversity of the agricultural sector of the Russian economy. *The economy of agricultural and processing enterprises*. 2016;(5): 52-58. (In Russ)
15. Bondarenko Yu.P. Forecast of agricultural development in the conditions of heterogeneity of the regional space of the country. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2016;(2): 11. (In Russ)
16. Bondarenko Yu.P. Interregional differences in the production potential of the agro-food complex of Russia at the present stage. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2015;(1): 4. (In Russ)
17. Bondarenko Yu.P. Fixed assets of agriculture in the regional space of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2015;(2): 11. (In Russ)
18. Bondarenko Yu.P. Resource limitations of the production potential of the agro-industrial complex of the regions of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2014;(2):7. (In Russ)
19. Bondarenko Yu.P. Factors of interregional differentiation in assessing the potential of economic growth of agriculture in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2010;(1): 5. (In Russ)
20. Bondarenko Yu.P. The farming sector of the regions in solving the problem of food security in Russia. *The economics of agricultural and processing enterprises*. 2009;(8):59-62. (In Russ)
21. Statistical information of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. – URL: <http://www.gks.ru/>
22. Statistical information of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. – URL: <http://mcx.ru/>
23. Statistical information of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of the Russian Federation. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

Информация об авторе

Ю.П. Бондаренко – кандидат экономических наук

Information about the author

Yu.P. Bondarenko – Candidate of Economic Sciences

*Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 28.06.2024 г.*

*The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 28.06.2024.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 15-23.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 15-23.

Научная статья
УДК 332.021

ОСОБЕННОСТИ ВЕКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Владимир Даниилович Иосипенко

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iosdan@yandex.ru

Аннотация. В статье сделана попытка определения направленности вектора региональной дифференциации потребления продовольствия в условиях современных глобальных вызовов и мировой социально-экономической нестабильности. Выявление основных тенденций с учетом пространственного фактора осуществлено на основе осмысления новейших подходов экономической теории к перспективам формирования потребительского выбора, оценки состояния межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации потребления основных продуктов питания на основе расчета уровня экономической доступности продовольствия, показателей вариации потребления. Рассмотрены концепция безусловного дохода и идея продовольственной помощи как инструменты преодоления региональных диспропорций в сфере потребления продовольствия.

Ключевые слова: сфера потребления продовольствия, платежеспособный спрос населения, региональная дифференциация уровня жизни, разумные потребности, рациональные нормы потребления продуктов питания, коэффициент вариации потребления.

Для цитирования: Иосипенко В.Д. Особенности вектора региональной дифференциации потребления продовольствия в условиях глобальных вызовов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 15-23.

Original article

FEATURES OF THE VECTOR OF REGIONAL DIFFERENTIATION OF FOOD CONSUMPTION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

Vladimir Daniilovich Iosipenko

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iosdan@yandex.ru

Abstract. The article attempts to determine the direction of the vector of regional differentiation of food consumption in the context of modern global challenges and global social and economic instability. The identification of the main trends, taking into account the spatial factor, was carried out on the basis of understanding the latest approaches of economic theory to the prospects for the formation of consumer choice, assessing the state of interregional and intraregional differentiation of consumption of basic foods based on calculating the level of economic accessibility of food, indicators of consumption variation. The concept of unconditional income and the idea of food aid as tools to overcome regional imbalances in food consumption are considered.

Key words: *food consumption, actual demand, regional differentiation of living standards, reasonable needs, dietary intake levels, coefficient of consumption variation.*

For citation: *Iosipenko V.D. Features of the vector of regional differentiation of food consumption in the context of global challenges. Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 15-23. (In Russ)*

Введение.

Одной из форм социально-экономической дифференциации, к которой в последнее время приковало пристальное внимание исследователей, является региональная дифференциация уровня жизни, способная оказывать негативное влияние на проблемы миграции трудовых ресурсов, равномерного расселения населения по территории страны, развития отдаленных территорий. Региональная дифференциация параметров уровня жизни, в частности, показателей потребления продуктов питания связана с существенными различиями в уровне доходов населения в регионах страны, с недостаточностью средств региональных и местных бюджетов для решения назревших социальных вопросов, обусловлена нарушением в реальной практической деятельности принципов бюджетного федерализма [1]. Как отмечают исследователи одной из наиболее важных проблем макроэкономического уровня в России остается консервация структуры доходов населения [2]. Несмотря на имевшие место высокие показатели экономического роста в первое десятилетие нового века не произошло качественной трансформации структуры потребления населения. В течение последних двадцати лет слабо изменяются, оставаясь на высоком уровне, доли затрат в потребительских расходах населения на продукты питания, услуги жилищно-коммунального хозяйства и общественный транспорт, что сдерживает рост спроса на другие виды товаров и услуг, а следовательно замедляется развитие бизнеса в этих сферах и отраслях. Аналитики отмечают, что отсутствие механизмов эффективного перераспределения доходов, недостаточное внимание к инклюзивным факторам ограничивает развитие экономики и общества даже в условиях наличия экономического роста.

Проблема более полного удовлетворения потребностей индивидов в товарах и услугах относит нас к дискуссии о цели общественного производства, особенностях формирования потребительского выбора в постиндустриальном обществе, важности трансформации субъекта экономики, постепенного перехода от человека «экономического» к человеку «культурному», у которого отсутствует стремление к сверхпотреблению и формирование спроса базируется на разумных потребностях. В работах современных исследователей проводится мысль о том, что на смену, так называемого, экономического человека с ориентацией на максимизацию симулятивных благ и роста доходов идет новый тип ценностей и мотивации [3]. Для человека культурного характерно творческое содержание труда, отказ от фальшивых потребностей, навязываемых рыночной системой в погоне за расширением сбыта, развитие человеческих качеств как высшего критерия прогресса [4]. В основе формирования спроса на продукты питания должны также находиться разумные потребности, которые получают свое количественное воплощение в научно обоснованных рациональных нормах потребления, обеспечивающих человеку поддержание активного здорового образа жизни. Такой критерий обеспечения продовольственной безопасности, как экономическая доступность продовольствия, представляет собой соотношение фактического потребления основных продуктов питания и рациональной нормы потребления, то есть свидетельствует о степени соответствия величины платежеспособного спроса разумным потребностям в продовольствии в условиях сложившейся величины реальных доходов населения [5]. Трансформация от человека экономического к человеку культурному с истинными разумными потребностями предполагает переход от коммерчески ориентированной модели потребления к модели социально ориентированной, в которой важное место отведено государственному механизму для установления равновесия на продовольственном рынке, формированию стабильного уровня спроса на продовольствие на внутреннем рынке, обеспечивающем удовлетворение разумных потребностей в продовольствии; достижения экономической доступности продуктов питания для

всех доходных групп населения, устойчивого функционирования агропродовольственного комплекса.

Цель исследования – выявить направленность вектора региональной дифференциации потребления продовольствия в современных условиях экономики замкнутого цикла на основе изучения динамики межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации потребления основных продуктов питания для развития теоретико-методологических и институциональных аспектов сбалансированности продовольственного рынка, поддержания макроэкономического равновесия национальной экономической системы.

Методика исследований.

Анализ состояния региональной дифференциации параметров сферы потребления продовольствия опирается на основные и частные методы научного исследования. Изучение особенностей формирования потребительского выбора в условиях постиндустриального общества осуществляется с использованием таких теоретических методов научного исследования, как: анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение. В процессе изучения проблемы пространственного различия ряда показателей уровня жизни были использованы практические методы научного исследования – сравнение, измерение, описание. Использование метода группировок позволило выявить направления изменения межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации параметров сферы потребления основных продуктов питания в условиях новых глобальных вызовов.

Результаты исследований.

Одним из важных условий формирования сбалансированного продовольственного рынка является финансовая возможность приобретения каждым индивидом основных продуктов питания в объеме, обеспечивающим их потребление в соответствии с рациональными нормами. Противоположная ситуация означает наличие продовольственной бедности и влечет за собой неполноценное питание части населения, невозможность обеспечения полноценной активной жизни, а также сужает величину совокупного спроса, что способно провоцировать возникновение макроэкономических диспропорций [6].

В 2022 году ситуация с обеспечением экономической доступности продовольствия в РФ выглядела следующим образом (таблица 1). В целом по всем домохозяйствам РФ экономическая доступность имела место в отношении потребления мяса и мясных продуктов (106,8 % от уровня рациональной нормы), яиц (110,8 %), сахара (162,5 %), растительного масла (115,0 %), хлебных продуктов (117,7 %). Отметим, что из данного перечня продуктов питания лишь первые две позиции относятся к ценным белковым продуктам, остальные представляют собой, так называемые, «товары Гиффена», которые характерны для углеводной модели питания и используются при недостатке средств для приобретения более дорогих и ценных в питательном отношении продовольственных товаров. Крайне тревожная ситуация наблюдалась в отношении потребления молочных продуктов, по которым экономическая доступность составила 74,2 %, а также по потреблению овощей - 74,3 %. Бесспорно положительным моментом является выход фактического потребления мяса и яиц как важных белковых продуктов на уровень рациональной нормы, однако говорить о рациональной структуре питания преждевременно, поскольку не выполняется рассматриваемый критерий продовольственной безопасности – экономическая доступность - в отношении важных в питательном отношении продуктов - молока и овощей.

Вместе с тем, как свидетельствуют данные таблицы 1, в настоящее время наблюдается региональная дифференциация экономической доступности продовольствия. В двух федеральных округах – Северо-Кавказском и Уральском – при благополучной картине в целом по стране в 2022 году экономическая доступность по мясу и мясопродуктам не была достигнута, составив 89,0 % и 94,5 % от уровня рациональной нормы потребления. По потреблению яиц такая же ситуация с уровнем экономической доступности была характерна лишь для Северо-Кавказского федерального округа – 90,8 %. В то же время следует отметить, что по потреблению овощей только в Северо-Кавказском федеральном округе имело место превышение рациональной нормы – 117,1 %. Это ещё раз подчеркивает, что при формировании спроса и потребительских предпочтений помимо определяющего влияния доходов и цен, важное

значение имеют национальные традиции и обычаи, уровень развития личного подсобного хозяйства, природно-климатические особенности территории и др. Самый низкий уровень экономической доступности овощей отмечался в Уральском федеральном округе - 63,6 %. Максимальный уровень потребления молочных продуктов в 2022 году имел место в Северо-Западном федеральном округе (84,6 %), а минимальный в Дальневосточном федеральном округе - 62,8 %.

Таблица 1 - Уровень экономической доступности продуктов питания в домашних хозяйствах федеральных округов РФ в 2022 году (%)

Продукты питания	РФ	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Мясо и мясопродукты	106,8	119,2	111,1	108,2	89,0	102,7	94,5	102,7	106,8
Молоко и молочные продукты	74,2	70,8	84,6	69,2	75,1	84,3	63,4	74,2	62,8
Картофель	93,3	90,0	81,1	80,0	100,0	104,4	93,3	100,0	97,8
Овощи и бахчевые	74,3	67,9	66,4	99,3	117,1	67,9	63,6	64,3	65,0
Яйца	110,8	119,2	116,5	120,8	90,8	112,3	111,9	105,2	100,4
Сахар	162,5	175,0	162,5	179,2	175,0	150,0	150,0	141,7	145,8
Растительное масло	115,0	122,5	97,5	126,7	111,7	124,2	107,5	97,5	99,2
Хлебные продукты	117,7	113,5	101,0	122,9	127,1	117,7	121,9	122,9	116,7

Примечание: рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. - М. Росстат. 2023. С.262-269 и рациональных норм потребления, утверждённых Приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.08.2016 № 614

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях западных санкций и перехода к экономике замкнутого цикла для сферы потребления продуктов питания была характерна региональная дифференциация. Наиболее благополучная ситуация по потреблению самых ценных в питательном отношении продуктов наблюдалась в отношении мясных продуктов и яиц (лишь в одном федеральном округе средние показатели были ниже рациональной нормы потребления). Сложная ситуация имела место в отношении потребления молока (ни в одном федеральном округе средние показатели не приблизились к рациональной нормы потребления, не поднимаясь выше 64,6 % от уровня рациональной нормы потребления) и в отношении потребления овощей (в одном федеральном округе средние показатели были выше рациональной нормы потребления и в одном - максимально к ней приближены, в остальных не поднимались выше 67,9 %). Недостаточное потребление ценных продуктов компенсировалось потреблением на уровне выше рациональной нормы более дешевых углеводных продуктов (сахара, хлеба). Потребление сахара было гораздо выше рациональной нормы во всех федеральных округах. Максимальное превышение потребления сахара над рациональной нормой потребления имело место в Южном, Центральном и Северо-Кавказском округах, составив соответственно: 179,2 %, 175,0 %, 175,0 % от уровня рациональной нормы.

О наличии региональной дифференциации параметров потребления продовольствия в динамике свидетельствуют данные таблицы 2. В 2015 - 2022 г.г. размах вариации по потреблению мяса и молочных продуктов увеличился: соответственно на 2 и 3 кг, а по потреблению овощей и яиц снизился на 6 и 3 кг. Дисперсия, представляющая собой среднюю арифметическую из квадратов отклонений отдельных значений признака от их средней, выросла по всем продуктам, кроме овощей.

Статистические данные, приведенные в таблице 3, иллюстрируют наличие дифференциации потребления мясных продуктов, как между федеральными округами, так и внутри федеральных округов. При анализе рассматривались субъекты федеральных округов с минимальными и максимальными значениями среднедушевых денежных доходов в 2022 году.

Таблица 2 - Вариация параметров потребления продуктов питания в РФ в 2022 г.г.

	Размах вариации		Дисперсия		Кэффициент вариации (%)	
	2015	2022	2015	2022	2015	2022
Мясо и мясные продукты	20,0	22,0	33,8	89,9	7,9	12,2
Молочные продукты	67,0	71,0	640,3	653,13	10,9	10,6
Овощи и бахчевые	81,0	75,0	787,0	712,3	27,5	25,7
Яйца	66,0	53,0	558,9	600,0	8,7	8,5

Примечание: рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели.- М.Росстат. 2023. С.262-269

Таблица 3 - Динамика потребления мяса и мясопродуктов на душу населения в федеральных округах РФ (кг в год) в 2005-2022 г.г.

Федеральный округ/ область	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2022 г. к 2005 в %
РФ	55	69	73	76	78	78	141,8
Центральный	59	76	81	85	86	87	147,5
Владимирская	37	56	57	59	62	63	170,3
г.Москва	61	81	81	82	81	82	134,4
Северо-Западный	54	69	74	78	80	81	150,0
Псковская область	64	77	86	108	110	106	165,6
Г.Санкт-Петербург	53	69	70	74	77	78	147,2
Южный	55	72	73	76	79	79	143,6
Республика Калмыкия	85	115	118	116	116	115	135,3
Краснодарский край	54	73	81	87	90	91	168,5
Северо-Кавказский	40	52	61	64	64	65	162,5
Республика Дагестан	30	35	44	51	49	49	163,3
Республика Ингушетия	32	45	53	56	57	57	178,1
Приволжский	54	66	69	73	75	75	138,9
Республика Мари Эл	49	67	95	95	100	99	202,0
Республика Татарстан	59	73	79	82	83	83	140,7
Уральский	54	66	69	68	70	69	127,8
Курганская	56	68	67	67	67	66	117,9
Тюменская	43	50	54	55	60	60	176,7
Сибирский	56	67	68	73	74	75	133,9
Республика Тыва	48	55	56	62	63	66	137,5
Красноярский край	62	75	71	84	85	85	137,1
Дальневосточный	58	71	75	76	78	78	134,5
Республика Бурятия	53	62	64	63	63	62	117,0
Чукотский автономный округ	35	53	46	44	44	45	131,4

Примечание: составлена и рассчитана автором на основе : регионы России. Социально-экономические показатели. - М.Росстат. 2023. С.262-263

Как видно из таблицы 3, во всех территориальных составляющих федеральных округов происходило увеличение потребления мясных продуктов в 2005-2022 г.г. Вместе с тем для каждого федерального округа были характерны определенные особенности. Так, в целом по Центральному федеральному округу на протяжении всего рассматриваемого периода было характерно превышение уровня потребления над среднероссийским уровнем, причем это превышение возросло с 4 кг в 2005 году до 9 кг в 2022 году. Внутрирегиональная дифференциация потребления данного продукта между территориальными составляющими Центрального федерального округа была достаточно ощутимой. Во Владимирской области в 2005 году отставание от среднего по стране уровня составило 18 кг, в 2022 году - 15 кг. В Москве соответственно: в 2005 году превышение над среднероссийским уровнем составило 6 кг, в конце рассматриваемого периода – 4 кг. Наметилось некоторое сближение данных параметров при существующем их значительном различии. В 2022 году превышение потребление мяса в год на человека в Москве по сравнению с Владимирской областью составило 30,2 %. Колебания рассматриваемого признака могут быть оценены с помощью показателя дисперсии, который показывает, что в Центральном федеральном округе отклонение фактического потребления мясных продуктов от среднероссийского уровня было значительно выше во Владимирской области по сравнению с Москвой.

Анализ темпов роста потребления мясных продуктов в 2005-2022 г.г. показывает, что имела место ситуация, когда темпы роста выше среднероссийского уровня были характерны для некоторых регионов с низким уровнем потребления данного продукта и невысокими денежными доходами, что свидетельствует о некоторых моментах дивергенции рассматриваемых параметров. Так, темпы роста выше среднероссийского уровня демонстрировали такие регионы как Владимирская область (170,3 %), Республика Ингушетия (178,1%).

Молоко и молочные продукты представляют собой одну из наиболее проблемных позиций в структуре спроса населения. Рациональная норма потребления данного продукта достигнута лишь в высокодоходных группах (в девятой - 322,3 кг в год на потребителя и в десятой - 342,2 кг). В среднем по всем домохозяйствам страны и федеральных округов экономическая доступность в 2022 году не была обеспечена. В таблице 4 содержатся данные, характеризующие процесс постепенного роста фактического потребления молока и молочных продуктах в домохозяйствах различных округов России.

Таблица 4 - Динамика потребления молока и молочных продуктов на душу населения в федеральных округах РФ в 2005-2022 г.г. (кг в год)

Федеральный округ/ область	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2022 г. к 2005 в %
РФ	234	245	233	240	241	241	103,0
Центральный	223	229	217	231	231	230	103,1
Владимирская	197	207	196	209	215	216	109,6
г.Москва	220	223	218	238	234	233	105,9
Северо-Западный	246	270	267	271	272	275	111,8
Псковская область	273	266	276	288	290	292	107,0
Г.Санкт-Петербург	296	316	312	310	310	309	104,4
Южный	209	231	217	223	224	225	107,7
Республика Калмыкия	264	272	231	223	223	221	83,7
Краснодарский край	205	222	224	239	240	243	118,5
Северо-Кавказский	187	217	223	242	244	244	130,5
Республика Дагестан	143	2-3	261	281	279	280	195,8
Республика Ингушетия	184	196	185	217	224	225	122,3
Приволжский	279	283	368	272	274	274	98,2
Республика Мари Эл	289	297	246	248	255	254	87,9
Республика Татарстан	334	368	362	358	361	362	108,4
Уральский	196	211	201	208	208	206	105,1
Курганская	273	282	235	237	239	237	86,8
Тюменская	161	171	171	179	180	177	110,0
Сибирский	258	260	242	240	242	241	93,4
Республика Тыва	166	175	180	179	183	184	110,8
Красноярский край	232	240	234	239	236	236	101,7
Дальневосточный	184	204	200	201	203	204	110,1
Республика Бурятия	219	258	230	186	180	175	79,9
Чукотский автономный округ	59	73	105	106	106	106	179,7

Примечание: составлена и рассчитана автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. - М. Росстат. 2023. С.262-263

В течение 2005-2022 г.г. потребление молока и молочных продуктов в целом по РФ увеличилось на 3,0 %, однако, по сравнению с 2010 годом оно сократилось на 1,6 %. Выше, чем в среднем по России были темпы роста потребления молочных продуктов в Северо-Западном федеральном округе (111,8 %), в Южном (107,7 %), в Северо-Кавказском (130,5 %) федеральных округах. Заметим, что если в Северо-Западном округе традиционно более высокий уровень потребления данного продукта по сравнению со среднероссийским уровнем, то в других двух округах в начале рассматриваемого периода имело место значительное отставание от среднего уровня. Самый высокий темп роста анализируемого показателя имел место в Чукотском автономном округе – 179,7 % при крайне низких показателях потребления (106 кг в 2022 году). В двух федеральных округах наблюдались отрицательные приросты потребления молока: в Приволжском (98,2 %) и Сибирском (93,4 %) при высоких абсолют-

ных показателях потребления: соответственно 274 кг и 241 кг в год на потребителя. В таких федеральных округах как Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский на основе анализа темпов роста потребления данного продукта можно говорить об усилении дифференциации потребления между регионами внутри округов.

Овощи и бахчевые также как и молочные продукты относятся к проблемным позициям в структуре спроса и в процессе удовлетворения потребностей, по которым в среднем по РФ не достигнут уровень рациональной нормы потребления. Наилучшие показатели потребления были характерны в 2022 году для Южного федерального округа (139 кг в год на потребителя), Северо-Кавказского округа (164 кг) (таблица 5). Самые низкие показатели отмечались в Дальневосточном федеральном округе (91 кг). Темпы роста потребления овощей выше общероссийских были характерны для Центрального (120,3 %), Северо - Западного (127,4 %), Южного (126,4 %), Северо-Кавказского (125,2 %) федеральных округов. Для потребления овощей в 2022 году были характерны и отрицательные приросты : во Владимирской области (91,3 %), в Курганской области (89,2 %), Красноярского края (89,3 %).

Таблица 5 - Динамика потребления овощей и бахчевых на душу населения в федеральных округах РФ в 2005-2022 г.г. (кг в год)

Федеральный округ/ область	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2022 г. к 2005 в %
РФ	87	98	102	107	103	104	119,5
Центральный	79	89	94	100	95	95	120,3
Владимирская	104	99	101	101	98	95	91,3
г.Москва	69	83	87	89	82	83	120,3
Северо-Западный	73	85	91	95	93	93	127,4
Псковская область	81	84	88	96	94	94	116,0
г.Санкт-Петербург	54	75	84	86	84	85	157,4
Южный	110	137	140	143	140	139	126,4
Республика Калмыкия	75	89	98	103	98	96	128,0
Краснодарский край	99	129	133	132	130	126	127,3
Северо-Кавказский	131	149	165	169	165	164	125,2
Республика Дагестан	185	212	237	243	224	224	121,1
Республика Ингушетия	77	81	100	111	111	110	142,9
Приволжский	83	90	96	98	95	95	114,5
Республика Мари Эл	86	101	116	132	115	119	138,4
Республика Татарстан	70	78	85	93	91	91	130,0
Уральский	80	84	84	91	88	89	111,3
Курганская	120	104	99	102	105	107	89,2
Тюменская	73	74	74	77	74	74	102,4
Сибирский	89	92	85	92	90	90	101,1
Республика Тыва	37	37	38	42	40	42	113,5
Красноярский край	103	101	88	98	92	92	89,3
Дальневосточный	88	93	93	95	93	91	103,4
Республика Бурятия	51	51	60	64	63	63	123,5
Чукотский автономный округ	15	12	26	36	34	35	233,3

Примечание: составлено и рассчитано автором на основе : регионы России. Социально-экономические показатели. - М.Росстат. 2023. С.264-265

В сложившихся условиях как никогда актуальной является идея реализации программ продовольственной помощи для оперативной поддержки малообеспеченных слоев населения, обеспечения стабильного внутреннего спроса на продовольствие и устойчивого функционирования национального агропродовольственного комплекса [7]. Если разработка и осуществление программ внутренней продовольственной помощи относится к инструментам быстрого оперативного воздействия, то с точки зрения стратегических подходов важны идеи ноономики и концепции безусловного дохода. По мнению исследователей в условиях нового индустриального общества второго поколения большинство отношений между людьми по поводу производства и потребления должны регулироваться не рынком, а государством.

Продукты питания это та сфера, которая должны находиться под непосредственным контролем государства [8].

Заключение.

Сфера потребления продовольствия занимает одно из важных мест в национальной социально-экономической системе в силу её значимости для сохранения благоприятного социального климата в обществе, сбалансированности воспроизводственного процесса, устойчивого функционирования агропродовольственного комплекса. Возникающие диспропорции в данной сфере незамедлительно показывают имеющие место нарушения макроэкономического равновесия [9]. Существовая в рамках рыночных отношений, сфера потребления продовольствия несвободна от процессов дифференциации потребления продовольствия в разных формах. Однако формы и величина уровня дифференциации параметров уровня жизни и её разновидности - дифференциации потребления - должны тщательно отслеживаться для осуществления в случае необходимости институциональных корректировок, обеспечения важного критерия продовольственной безопасности - экономической доступности продуктов питания для всех доходных групп населения [10]. Региональные аспекты дифференциации потребления продовольствия требуют особенно пристального изучения, поскольку различия в месте проживания не должны оказывать существенное влияние на экономическую и физическую доступность продовольствия. Как показал проведенный анализ за период, равный семнадцати годам двадцать первого века, параметры сферы потребления продовольствия постепенно совершенствовались - имел место рост потребления мясных, молочных продуктов, яиц и сахара. Однако уровень рациональной нормы в 2022 году был достигнут в целом по всему населению лишь по потреблению мяса, яиц и сахара. Положительно то, что потребление более дешевых заменителей ценных в питательном отношении продуктов (хлеба и картофеля) в эти годы снижалось. В сфере региональной дифференциации потребления действовали разнонаправленные тенденции, причем для потребления мяса, молока и яиц за последние семь лет дифференциация усилилась. Снижение региональной дифференциации потребления продовольствия возможно на основе выравнивания уровня реальных доходов в регионах страны, повышения доходов региональных бюджетов, реализации идей внутренней продовольственной помощи, а в стратегической перспективе перехода к элементам ноономики, когда государство стремится к максимизации не прибыли, а общественной полезности, трансформируясь из института принуждения в институт согласования общественных интересов и развития человека. В этих условиях все большее внимание привлекает к себе концепция безусловного базового дохода, гарантирующего в условиях постиндустриального общества достойный уровень жизни каждому члену общества, включая потребление продовольствия в соответствии с научными нормами.

Список источников

1. Решетникова Е.Г. Стратегический анализ сферы потребления продовольствия : региональный аспект // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2015. № 1. С.5.
2. Широв А.А. Развитие экономики на основе повышения качества роста // Ноономика и ноообщество. 2023. Т.2. № 3. С.37- 47
3. Бодрунов С.Д. От экономических интересов – к нооценностям // Вопросы философии. 2022. Т.7. С.15-26
4. Яковлева Н.Г. Человеческий потенциал в свете теории ноономики : от трансформации «человека экономического» в «человека культурного» // Экономическое возрождение России. 2023. № 4 (78). С.49-58
5. Решетникова Е.Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2020. Т.26. № 2 (172). С.128-136.
6. Решетникова Е.Г. Продовольственная бедность и пути её преодоления // Вестник Саратовского госуниверситета им. Н.И.Вавилова. 2011. № 9. С.77-79.

7. Решетникова Е.Г. Совершенствование институтов преодоления продовольственной бедности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. №5(44). С.130-132.

8. Бодрунов С.Д. Научно-технический прогресс и трансформация общества. Часть 2 // Ноономика и ноообщество. 2022. Т.1. № 2. С.13-35.

9. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы. Анфиногентова А.А., Блинова Т.В., Решетникова Е.Г., Яковенко Н.А., Андриющенко С.А., Ермолова О.В., и др. - Саратов, 2011.

10. Решетникова Е.Г. Условия достижения критериев продовольственной безопасности в период нового глобального вызова // Вестник НГИЭИ. 2021. № 1. С.105-114.

References

1. Reshetnikova E.G. Strategic analysis of the sphere of food consumption : a regional aspect. *Regional agricultural systems : economics and sociology*. 2015;(1):5. (In Russ)

2. Shirov A.A. Economic development based on improving the quality of growth. *Noonomics and noobsociety*. 2023;2(3):37-47. (In Russ)

3. Bodrunov S.D. From economic interests to values. *Questions of Philosophy*. 2022;(7):15-26. (In Russ)

4. Yakovleva N.G. Human potential in the light of the theory of nononomics :from the transformation of an "economic man" into a "cultural man". *Economic Revival of Russia*. 2023; 4 (78):49-58. (In Russ)

5. Reshetnikova E.G. Economic accessibility of food: security tools in the face of new challenges. *Economics and management*. 2020;2(172):128-136. (In Russ)

6. Reshetnikova E.G. Food poverty and ways to overcome it. *Bulletin of the Saratov State University named after N.I.Vavilov*. 2011;(9):77-79. (In Russ)

7. Reshetnikova E.G. Improving institutions for overcoming food poverty. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012;5(44):130-132. (In Russ)

8. Bodrunov S.D. Scientific and technological progress and transformation of society. Part 2. *Noonomics and the noo community*. 2022;1(2):13-35. (In Russ)

9. Food security of Russia: challenges, risks, threats. Anfinogentova A.A., Blinova T.V., Reshetnikova E.G., Yakovenko N.A., Andryushchenko S.A., Ermolova O.V., et al. 2011.

10. Reshetnikova E.G. Conditions for achieving food security criteria in the period of a new global challenge. *Bulletin of the NGIEI*. 2021;(1):105-114. (In Russ)

Информация об авторе

В.Д. Иосипенко – кандидат экономических наук

Information about the author

V.D. Iosipenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 01.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.04.2024 г.; принята к публикации 28.06.2024 г.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Научная статья

УДК 338.4

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ПРЕДПРИЯТИЙ КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Валентина Владимировна Липницкая¹, Инна Владимировна Кулага²,
Андрей Александрович Бурачевский³

¹⁻² УО «Белорусский государственный аграрный технический университет», г. Минск, Республика Беларусь

³ Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь

¹ vaslipnitska@gmail.com, ² innakylaga@mail.ru, ³ burachevskiy.andrey@mail.ru

Аннотация. Переработка кожевенного сырья, наряду с сельским хозяйством и деревообработкой, относится к стратегическим отраслям национальной экономики Беларуси. В условиях роста спроса на кожевенное сырье и изделия из натуральной кожи анализ и оценка факторов, формирующих сырьевую базу организаций кожевенной промышленности Беларуси в средне- и долгосрочной перспективе, является необходимым условием устойчивого развития данной отрасли. Проведенные исследования показали высокую зависимость развития кожевенной промышленности от действия ценовых и неценовых детерминант, формирующих сырьевую базу отрасли, что позволило выявить резервы роста сырьевой базы и разработать предложения по организации устойчивого сырьевого обеспечения организаций кожевенной промышленности Республики необходимым сырьем в условиях сокращения поголовья животных во всех типах сельскохозяйственных предприятий.

Ключевые слова: кожевенная промышленность, сырьевая база, устойчивое сырьевое обеспечение, резервы роста сырьевой базы, динамика поголовья крупного рогатого скота, свиней, коз и овец, методика оценки шкур сельскохозяйственных животных.

Для цитирования: Липницкая В.В., Кулага И.В., Бурачевский А.А. Сырьевая база предприятий кожевенной промышленности Беларуси: современное состояние и перспективы развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С.24-34.

Original article

RAW MATERIAL BASE OF THE ENTERPRISES OF THE LEATHER INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valentina Vladimirovna Lipnitskaya¹, Inna Vladimirovna Kulaga²,
Andrey Aleksandrovich Burachevsky³

¹⁻² Educational Institution Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Republic of Belarus,

³ State Scientific Institution "Scientific Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus", Minsk, Republic of Belarus

¹ vaslipnitska@gmail.com, ² innakylaga@mail.ru, ³ burachevskiy.andrey@mail.ru

Abstract. *Processing of leather raw materials, along with agriculture and woodworking, belongs to the strategic sectors of the national economy of Belarus. In the context of growing demand for leather raw materials and genuine leather products, the analysis and assessment of the factors forming the raw material base of the companies of the Belarusian leather industry in the medium and long term is a necessary condition for the sustainable development of this industry. The conducted studies have shown a high dependence of the development of the leather industry on the action of price and non-price determinants that form the raw material base of the industry, which made it possible to identify reserves for the growth of the raw material base and develop proposals for the organization of sustainable raw material supply of the companies of the leather industry of the Republic of Belarus with necessary raw materials in conditions of a reduction in the number of animals in all types of agricultural enterprises.*

Key words: *leather industry, raw material base, sustainable raw material supply, reserves for the growth of the raw material base.*

For citation: *Lipnitskaya V.V., Kulaga I.V., Burachevsky A.A. The raw material base of the enterprises of the leather industry of the Republic of Belarus: current state and development prospects. Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 24-34. (In Russ)*

Введение.

Ежегодный объем вырабатываемых кож крупного (далее – КРС) и мелкого рогатого скота (далее – МРС) в мире превышает 1,7 тыс. км². Наиболее быстрые темпы развития кожевенной промышленности характерны для стран Азии (Китая, Индии, Бангладеш, Монголии, Пакистана), в которых, по оценкам, сосредоточено до 35 % мирового объема производства кож КРС и 67 % МРС, и государств Южной Америки (Бразилии, Аргентины и др.), вырабатывающих 29 % шкур КРС и 4 % шкур МРС. Для сравнения, субъекты хозяйствования стран Европы и Северной Америки изготавливают 17 % и 5 % шкур КРС и 14 % и 2 % шкур МРС, соответственно [1].

В то же время, направления и тренды качественного совершенствования продукции кожевенной промышленности формируют, по большей части, организации европейских стран [1]. Однозначными лидерами в данной области являются субъекты хозяйствования Италии, вырабатывающих ежегодно не менее 160 млн. м² мягких и 46 тыс. т жестких кож, что позволяет им занимать 10-11 % объема мирового рынка кожевенных товаров, развитию которого, в свою очередь, в мировом масштабе на современном этапе характерны следующие тенденции:

- роста спроса на изделия из кожи, в т. ч. аксессуары;
- увеличение потребности в кожевенном сырье и, соответственно, усиление конкуренции за него;
- возрастание зависимости результатов функционирования организаций кожевенной промышленности от устойчивости снабжения качественными шкурами сельскохозяйственных животных [2].

Как показали исследования, действенным, на данный момент, решением задачи сырьевого снабжения организаций кожевенной промышленности в европейских странах является кооперация и перенос процессов первичной переработки шкур в азиатские страны с относительно дешевой рабочей силой и большим поголовьем используемых в хозяйстве животных. Это, в свою очередь, обуславливает рост размеров мировой торговли кожевенным сырьем и «поделенность» основных регионов между производителями конечной продукции.

В современных условиях хозяйствования основным направлением обеспечения стабильности сырьевого снабжения и, соответственно, эффективной работы отечественных организаций кожевенной промышленности, ориентированных на максимизацию размеров добавленной стоимости, является устойчивое развитие животноводческих видов деятельности.

Цель исследования.

На основе проведенного анализа современного состояния сырьевой базы кожевенной промышленности в Республике Беларусь разработать предложения по организации устойчивого сырьевого обеспечения организаций кожевенной промышленности в средне- и долго-

срочной перспективе за счет более полного использования внутренних резервов животноводческой отрасли.

Методика исследований. Исследование базируется на изучении и обобщении литературных источников отечественных и зарубежных авторов, а также нормативно-правовой базы Республики Беларусь, регламентирующей деятельность организаций кожевенной промышленности. Для анализа современного состояния кожевенной промышленности в качестве информационной базы были использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. Методическую базу исследования определили следующие методы научного познания: абстрактно-логический, синтеза, системного и сравнительного анализа.

Результаты исследования.

Основным кожевенным сырьём в Республике Беларусь являются шкуры крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Следовательно, темпы роста производства кожевенных изделий ограничиваются объемами сырьевой базы. Поскольку сырые шкуры и кожа являются побочным продуктом от деятельности по разведению скота с целью получения мясной продукции, то объем производства кожевенного сырья ограничивается возможностью содержания поголовья скота во всех видах сельскохозяйственных предприятий [3]. Таким образом, что основу сырьевой базы кожевенной промышленности составляет животноводство, от эффективности которого зависит развитие производства.

Анализ состояния и перспектив развития сырьевой базы производства кожевенных изделий в Беларуси показал, что размер сырьевой базы в 2020-2022 гг. существенно сократился (табл. 1). Поголовье КРС, основного источника сырья, в анализируемый период в организациях всех категорий хозяйств снизилось на 83,1 тыс. гол. и составило в 2022 г. 98,1 % от уровня 2020 г. Особенно сильное уменьшение численности крупного рогатого скота произошло в личных подсобных хозяйствах (далее – ЛПХ), где поголовье уменьшилось на 12,7 тыс. голов за три года.

Таблица 1 – Динамика поголовья КРС и свиней в организациях всех категорий в период 2020-2022 гг.

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отношение значений 2022 г. к значениям 2020 г., %	Прогнозное значение (2025 г.)
Крупный рогатый скот					
Численность в хозяйствах всех категорий, тыс. гол.	4292,4	4232,4	4209,3	98,1	4126,2
Численность в СХО, тыс. гол.	4200,9	4150,1	4128,3	98,3	4055,7
Численность в К(Ф)Х, тыс. гол.	22,4	23	24,5	109,4	26,6
Численность в ЛПХ, тыс. гол.	69,1	59,3	56,4	81,6	43,7
Приплод, тыс. гол.	1492,5	1471,6	1440,9	96,5	1389,3
Падеж, тыс. гол.	78,6	90,9	96,6	122,9	114,6
Свиньи					
Численность в хозяйствах всех категорий, тыс. гол.	2871,6	2526,3	2512,6	87,5	2153,6
Численность в СХО, тыс. гол.	2557,8	2275,9	2267,4	88,6	1977
Численность в К(Ф)Х, тыс. гол.	26,1	21,9	25,4	97,3	24,7
Численность в ЛПХ, тыс. гол.	287,8	228,5	219,7	76,3	151,6
Приплод, тыс. гол.	4699,6	4477,3	4341,6	92,4	3983,6
Падеж, тыс. гол.	526,8	577,6	508,5	96,5	490,2

Источник: составлено авторами на основе данных Белстата [4]

Аналогичная ситуация складывается и в свиноводстве. Поголовье свиней в 2020-2022 гг. в хозяйствах всех категорий сократилось на 359 тыс. голов или 12,5 %, в сельскохозяйственных организациях – на 13,4 %, в крестьянских и фермерских хозяйствах – на 2,7 %, в личных подсобных хозяйствах – на 23,7 %. Однако снижение поголовья свиней не оказывает существенного влияния на работу организаций кожевенной промышленности, так как свиные шкуры, в первую очередь, являются пищевым продуктом и выступают важным ингредиентом при выработке колбасных и других мясных изделий. Поэтому на переработку в орга-

низации кожевенной промышленности поступает примерно 1,4-1,55 % всех шкур свиней. Следовательно, их количество, предназначенное для выделки на производственных мощностях кожевенных предприятий, будет увеличиваться прямо пропорционально росту размеров поголовья.

Тенденция сокращения численности поголовья характерна для иных отраслей животноводства, не формирующим основу сырьевой базы организаций кожевенной промышленности, но важным для максимальной загрузки их производственных мощностей и созданию сырьевых условий для расширения номенклатуры вырабатываемой продукции [5].

Анализ показал, что поголовье овец и коз в хозяйствах всех категорий уменьшилось за 2020-2022 гг на 10,6 тыс. гол. и 7,1 тыс. гол., соответственно. Численность лошадей в стране сократилась за три года на 32,4 % или на 10,9 тыс. гол. (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика поголовья мелкого рогатого скота и лошадей в организациях всех категорий в период 2020-2022 гг.

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отношение значений 2022 г. к значениям 2020 г., %	Прогнозное значение (2025 г.)
Поголовье в хозяйствах всех категорий, тыс. гол.					
Овец	89,3	82,7	78,7	88,1	68,1
Коз	59,2	53,3	52,1	88,0	45
Лошадей	33,6	25,6	22,7	67,6	11,8
Поголовье в СХО, тыс. гол.					
Овец	13,6	12,4	11,3	83,1	9
Коз	0,6	2,2	2,4	400	4,2
Лошадей	13,4	11,8	10,3	76,9	7,2
Поголовье в К(Ф)Х, тыс. гол.					
Овец	20,4	20,4	17,3	84,8	14,2
Коз	1,7	0,5	0,8	47,1	0,8
Лошадей	1	1	1	100	1
Поголовье в ЛПХ, тыс. гол.					
Овец	55,3	49,9	50,1	90,6	44,9
Коз	56,9	50,5	48,8	85,8	40,7
Лошадей	19,2	12,9	11,4	59,4	3,6

Источник: составлено авторами на основе данных Белстата [4]

Основными причинами сокращения поголовья сельскохозяйственных животных являются [6]:

- сокращение численности сельского населения и работников сельского хозяйства;
- целенаправленная государственная политика по постепенной ликвидации морально и физически изношенных производственных объектов (характерно, в первую очередь, для свиноводства);
- убыточность выращивания КРС;
- низкий уровень спроса на продукцию овцеводства, козоводства и коневодства;
- ненадлежащая селекционно-племенная работа;
- неблагоприятная эпизоотическая ситуация;
- нехватка работников животноводческого профиля в сельскохозяйственных организациях, в т.ч. зоотехников и ветеринаров;
- увеличение непроизводственного выбытия (падежа) животных.

Резервом роста поголовья животных может стать сокращение падежа и гибели животных, которые происходят по вине хозяйств. Проведенный анализ факторов, вызывающих увеличение размеров падежа животных, позволил сделать вывод, что основными из них являются:

- инфекционные заболевания (по видам животных) и вирусы;
- уровень кормления, а также высокое содержание нитратов в кормах скота и применение стимулирующих кормовых добавок, увеличивающих нагрузку на печень животных;

– условия содержания и соблюдение технологической дисциплины. Технология стойлового содержания скота привела к снижению двигательной активности животных и их скученности в помещениях ферм, что провоцирует появление болезни конечностей.

Кроме того, нарушение технологических регламентов выращивания скота и нехватка собственных оборотных активов послужили причинами несоблюдения графиков удаления побочной продукции на фермах и комплексах. И, как следствие, произошло увеличение концентрации аммиака в атмосфере, что спровоцировало ухудшение состояния дыхательных путей и внутренних органов животных. Исправление ситуации посредством создания сквозняков в помещения для содержания скота усугубляет состояние его здоровья, особенно легких.

В Беларуси за анализируемый период размер падежа свиней сократился на 18,3 тыс. гол. и составил в 2022 г. 96,5 % от уровня 2020 г., чему в немалой степени поспособствовало введение новых производственных мощностей. Величина падежа КРС за тот же период увеличилась на 22,9 % [7].

Снижение поголовья сельскохозяйственных животных, а также увеличение падежа, привели к сокращению количества приплода: телят в 2022 г. родилось на 51,6 тыс. гол. меньше, чем в 2020 г., поросят – на 5,6 % или 358 тыс. гол. меньше к уровню на начало периода.

Экстраполяция текущей тенденции, связанной с сокращением поголовья всех видов животных, на период по 2025 г. показала, что если темп сокращения поголовья не изменится, то численность КРС составит 4126,2 тыс. гол., что ниже уровня 2022 г. на 1,9 %, свиней – 2153,6 тыс. гол. (-14,3 %), овец – 68,1 тыс. гол. (-13,4 %), коз – 45 тыс. гол. (-13,6 %), лошадей – 11,8 тыс. гол. (-48 %). Данный прогноз, с нашей точки зрения, является реалистичным и подтверждается текущими изменениями в структуре стада КРС. В настоящее время наблюдается:

- более интенсивное развитие молочного скотоводства;
- снижение возможности по обеспечению наращивания поголовья в перспективе, что проявляется в сокращении и количества, и удельного веса в стаде групп скота, функциональное предназначение которых заключается в воспроизводстве молодняка;
- высокий уровень падежа молодняка, т.е. не набравших кондиционную массу и, соответственно, не сформировавших необходимых размеров и качественных параметров шкуры особей.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о высокой вероятности сокращения размеров сырьевой базы организаций кожевенной промышленности. Сокращение выращиваемого и откармливаемого поголовья, в свою очередь, напрямую обусловило уменьшение количества скота и свиней, реализованных на убой, в т. ч. для последующей выделки шкур: КРС на 7,1 тыс. гол., свиней – на 331,7 тыс. гол. В то же время наблюдается рост среднего расчетного сдаточного веса 1 головы скота на 1 %, или на 4 кг и, как следствие, увеличение среднего веса 1 шкуры КРС в нее парном состоянии, т.е. после снятия, на 0,27 кг (табл. 3) до 28,65 кг, что соответствует тяжелой кондиции.

Применяемые в настоящее время методики [8] оценки шкур сельскохозяйственных животных не позволяют по весу сырья в парном состоянии определить его площадь (в дм^2) после этапов доработки, что особенно важно переработчикам кожевенного сырья. Поэтому при оценке динамики общего объема производства шкур КРС использована их масса, увеличение которой прямо пропорционально росту живого веса реализованного скота.

Увеличение среднего сдаточного веса и, соответственно, среднего веса шкуры, в свою очередь, не только позволило компенсировать потери общей массы кожевенного сырья из-за снижения поголовья и ухудшения структуры стада, но и поспособствовало ее увеличению на 157,5 т в парном состоянии в 2022 г. по сравнению с 2020 г. Результаты проведенного факторного анализа изменения общей массы шкур показывают, что за счет повышения среднего веса реализации головы скота дополнительно получено 361,9 т парной шкуры; сокращение количества реализованных на убой голов привело к уменьшению размеров сырьевой базы организаций кожевенной промышленности на 204,4 т.

Таблица 3 – Динамика количества полученных при убое КРС и свиной шкур в 2020-2022 гг.

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отношение значений 2022 г. к значениям 2020 г., %
Крупный рогатый скот				
Количество реализованного КРС на убой (Q), тыс. гол.	1328,7	1359,2	1321,6	99,5
Средний реализационный вес (расчетное значение), т	0,418	0,417	0,422	101
Средний вес 1 шкуры в парном состоянии (M), кг	28,38	28,31	28,65	101
Общая масса шкур в парном состоянии, полученных при убое КРС, т	37711,4	38484,8	37868,9	100,4
Свиньи				
Количество реализованных свиней на убой, тыс. гол.	4117,6	4144,8	3785,9	91,9
Средний реализационный вес (расчетное значение), т	0,107	0,105	0,107	100
Средний вес 1 шкуры, кг	8	8	8	100
Общая масса сданных на переработку шкур свиней, т	494,11	497,38	454,31	91,9

Примечание: * – при условии, что на переработку в 2022 г. было отправлено 1,5 % шкур свиней

Источник: составлено авторами на основе данных Белстата [4]

Отметим также, что далеко не все шкуры павших сельскохозяйственных животных можно использовать в последующей хозяйственной деятельности, часть из них не пригодна для применения. В частности, запрещается снимать шкуры с павших животных при ботулизме, браздоте овец, бешенстве, злокачественном отеке, сапе, мелиоидозе (ложном сапе), эпизоотическом лимфангите лошадей, оспе овец и коз, оспе свиней, сибирской язве, туляремии, чуме верблюдов, чуме свиней. Шкуры, полученные от животных с незаразными инфекционными болезнями, обязательно дезинфицируют, что приводит к увеличению затрат на их выделку [9].

Данные факты свидетельствуют о сильном отрицательном влиянии падежа животных на загрузку мощностей и эффективность функционирования субъектов кожевенной промышленности.

Таким образом, исправление ситуации в животноводческих видах деятельности, в первую очередь, в скотоводстве – основное направление повышения уровня и качества снабжения организаций легкой промышленности кожевенным сырьем.

Также следует отметить, что условия содержания, структура кормления, способ убоя и другие факторы предопределяют состояние получаемой при убое шкуры и в значительной степени влияют на количество и качество сырья для выпуска элитной лицевой кожи высоких сортов.

К основным направлениям обеспечения роста эффективности выращивания КРС и других сельскохозяйственных животных следует отнести:

1. Повышение качества и уровня кормления [10].

Устранению недостатков системы кормопроизводства (высокой себестоимости 1 ц к.ед., содержанию микотоксинов и др.) должна поспособствовать ее трансформация в сельскохозяйственных организациях и комбинатах хлебопродуктов на основе обеспечения соответствия современным трендам развития данной отрасли, а именно:

- применения кормовых добавок нового поколения: комбинации органических кислот и их солей, фитогеников, пробиотиков и пребиотиков, а также концентрированные комплексные ферментные препараты с расширенным набором активностей [11];

- более широкого использования ферментов для удешевления стоимости рациона кормления животных;

- изменения структуры комбикормов в направлении увеличения удельного веса в них побочной продукции пищевых производств [12];

- обеспечения биологической безопасности, исключаящей или существенно снижающей риск проникновения возбудителей заболеваний с кормом;

– учета при расчете питательности рационов кормов в первую очередь энергетической потребности животных в обменной и чистой энергии как более объективного критерия ее оценки;

– оптимизации структуры и размеров посевных площадей кормовых культур с целью снижения себестоимости 1 ц к. ед., обеспечения сбалансированности рационов кормления по питательным элементам и уменьшения уровня трудоемкости производства. Так, например, для повышения эффективности выращивания и откорма КРС предлагается снизить площадь ячменя ярового на 183 тыс. га и овса на 26 тыс. га, а высвободившиеся площади засеять – 129 тыс. га горохом, по 40 тыс. га люпином и викой. Также за счет снижения площади однолетних трав на 70 тыс. га посеять на 50 тыс. га клевер и на 20 тыс. га люцерну. Такой вариант оптимизации позволит дополнительно получить 173 тыс. т перевариваемого протеина и 576 тыс. т к. ед. [13].

Активизация работы в кормопроизводстве по указанным направлениям позволит снизить удельный расход кормов при выращивании 1 ц прироста КРС до 7,8 ц к. ед., или 750-800 ЭКЕ (энергетических кормовых единиц), 1 ц прироста свиней – до 3,2 к. ед. в среднем по стране, что эквивалентно 350-370 ЭКЕ [14].

2. Обновление основного и ремонтного стада путем интенсификации селекционно-племенной работы.

Благодаря направленной селекционно-племенной работе в животноводстве, генетический потенциал среднесуточного прироста бычков на откорме доведен до 1350-1500 г, свиней-гибридов до 850-900 г. Дальнейшему развитию селекционно-племенной работы должна способствовать организация ее по четырехуровневой системе:

– нуклеус (супернуклеус) – предприятие, предназначенное для разведения животных «чистой линии»;

– племенные репродукторы I порядка, служащие для размножения скота, полученных из нуклеусов;

– племенные репродукторы II порядка, сориентированные на размножение особей, полученных из репродукторов I порядка;

– племенные комплексы и селекционно-гибридные центры, предназначенные для получения конкурентоспособных гибридов.

Кроме того, внедрение современных методов селекции в животноводстве на основе новейших генетикопопуляционных приемов и методов, разработка эффективных биотехнологических тест-систем, маркеров, ДНК-технологий (клеточных репродуктивных технологий, маркер-зависимой селекции), определяющих генетический статус и управление наследственностью животных по устойчивости к генетическим заболеваниям, приспособленности к условиям промышленных технологий при производстве продукции животноводства, контролируемый планомерный переход на индекс племенной ценности животных RZ€, предоставляющего производителю возможность оценивать предельный финансовый эффект (издержки/выручку/прибыль) от использования данного генотипа ремонтного животного, позволит обеспечить создание генотипов, конкурирующих с лучшими мировыми аналогами по затратам корма на единицу продукции, а также максимально реализовать возможности создаваемой системы селекционно-племенной работы и обеспечить рост степени использования генетического потенциала продуктивности мясного животноводства, составляющего на сегодняшний день 55-60 % [15].

3. Строительство новых производственных мощностей, но не модернизация действующих.

В процессе работы откормочных комплексов выяснилось, что практически все они создавались без учета обеспечения племенным молодняком. К тому же, применение морально и физически изношенных производственных помещений в настоящее время продуцирует появление и других проблем, среди которых:

– высокий уровень трудо-, кормо- и энергоемкости процесса производства и получаемой продукции;

- невозможность из-за конструкционных особенностей комплексов обеспечения роста объемов производства;
- низкая степень автоматизации производственных процессов;
- неудобство труда, непривлекательность работы;
- высокий уровень негативного воздействия на окружающую среду, в т.ч. выбросов азотсодержащих соединений в атмосферу;
- сложная эпизоотическая обстановка, что связано с наличием на «старых» комплексах инфекций, устранить возбудителей которых невозможно ни дезинфекцией помещений, ни коренной их перестройкой [16].

Решение проблемы, с нашей точки зрения, заключается в замене отработавших свой ресурс производственных объектов новыми. Приоритетными при строительстве новых производственных помещений должны стать следующие направления обеспечения роста уровня эффективности выращивания скота:

- минимизация потребности в трудовых ресурсах;
- автоматизация технологических процессов и повышение энергетической эффективности производства;
- снижения углеродного следа;
- максимального использования белорусского оборудования и технологий.

4. Оптимизация территориального размещения на основе факторов адаптивной специализации.

Проведенные исследования показали, что товарные хозяйства целесообразно размещать в отдаленных районах с невысокой распаханностью земель и обеспеченностью трудовыми ресурсами. Товарное мясное скотоводство не требует крупных капитальных вложений, сложного технического оборудования, высокой квалификации обслуживающего персонала [15].

По нашему мнению, следует выделить регионы, которые могли бы стать приоритетными для развития специализированного скотоводства, где имеющаяся у них площадь, занятая под кормовыми культурами, позволит в полной мере обеспечить скотоводство дешевым кормом, что является определяющим фактором обеспечения роста эффективности выращивания КРС и других сельскохозяйственных животных [17].

Кроме того, полагаем, важным направлением обеспечения роста уровня эффективности выращивания и откорма сельскохозяйственных животных является изменение системы ценообразования, как за единицу живого веса скота, так и за 1 кг его шкур.

В настоящее время порядок формирования закупочных цен на кожевенное сырье доводится до организаций кожевенной промышленности протоколами Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности «Беллепром» после согласования с Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. К тому же, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2024 г. № 119 «О поставке необработанных шкур крупного рогатого скота для республиканских государственных нужд на 2024 год» [18] определены условия расчетов промышленных организаций с поставщиками кожевенного сырья (24 мясокомбинатами и 31 СХО): предварительная оплата в размере 30 %, последующая – 70 % в течении 90 календарных дней со дня оформления акта приемки.

Данные барьеры обусловили экономическую нецелесообразность выделывания шкур животных в убойных цехах: предельный эффект, получаемый субъектами хозяйствования от реализации шкур, ниже предельных затрат на их обработку. Та же ситуация складывается и с заготовкой и переработкой субпродуктов, являющихся эндокринно-ферментным сырьем. Поэтому данную сопутствующую продукцию в небольших убойных цехах СХО и организаций Белкоопсоюза в большинстве случаев не обрабатывают, а утилизируют. Этому также способствует ликвидация тех посреднических организаций, которые занимались ранее заготовкой (в т.ч. и шкур), предлагая сельхозпроизводителям приемлемые условия для сотрудничества (например, полная предварительная оплата, быстрый вывоз собственным транспортом и др.).

Учитывая, что во многих СХО для обеспечения сокращения падежа животных организируются убойные цеха, масштаб недоиспользования кожевенного сырья, включающий, помимо побочной продукции мелких боен, шкуры диких животных, а также скота ЛПХ и К(Ф)Х, может начать возрастать, что повлечет усугубление степени его нехватки.

Заключение.

На основании проведенного исследования для обеспечения стабильного и надежного снабжения сырьем организаций кожевенной промышленности в средне- и долгосрочной перспективе необходимо:

- обеспечить увеличение закупочных цен на продукцию выращивания и откорма сельскохозяйственных животных с усилением ее дифференциации по качественным характеристикам сырья;

- изменить условия расчета заготовителей шкур с их производителями с целью сокращения периода полной оплаты за кожевенное сырье: окончательный расчет в срок не более 1,5-2 месяца при размере авансовой части платежа до 40-45 %;

- стимулировать усиление конкуренции между организациями-заготовителями шкур и другой побочной продукции с целью полного сбора кожевенного сырья, минимизации его «выпадения» из использования посредством устранения препятствующих их работе барьеров, установления местными органами власти льготной ставки аренды помещений при условии полного соблюдения ряда требований:

- обеспечить соответствие процессов заготовки и выделки шкур экологическому законодательству, содействие улучшению экологической ситуации в регионе;

- организовать, при наличии возможностей, заготовки шкур в приграничных районах России;

- производить уплату налогов в местный бюджет, что будет содействовать занятости и росту доходов населения региона;

- оказывать ЛПХ, К(Ф)Х и сельхозорганизациям услуги по санитарно-ветеринарному сопровождению процесса убоя скота и функционирования боенских цехов, эффективному обращению с желудочно-кишечным трактом, головами и другими субпродуктами, в т.ч. больных и павших животных.

Список источников

1. Как развивается кожевенная отрасль страны. - URL: <https://www.sb.by/articles/aktsent-na-shkurnyy-aspekt.html>

2. Paredes-Leon F., Rodriguez-Salvador M., CastilloValdez P.F. Evaluating the Impact of Technology Transfer from the Perspective of Entrepreneurial Capacity. Foresight and STI Governance. 2023;17(1):80–87.

3. Баблюян В.П., Балберова Н.А., Еремина И.А., Шуленкова Е.И., Иванова Р.А., Пескин Я.И. Справочник кожевника. (Отделка. Контроль производства). Под редакцией Балберовой Н.А. - Москва: Легпромбытиздат, 1987 - 256 с.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-df/oficial_statistika/nov_inov_infografika-2023.pdf.

5. Бурачевский А.А. Состояние и направления развития мясного животноводства в Республике Беларусь // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2022. № 4. С. 45–51.

6. Пилипук А.В., Кондратенко С.А., Гусакова И.В. Перспективы реализации единой стратегии обеспечения продовольственной безопасности Союзного государства // Белорусский экономический журнал. 2023. № 3. С. 21-37

7. Липницкая В.В., Кулага И.В. Анализ и оценка факторов, влияющих на изменение объемов производства мяса в Беларуси // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 1. С. 61-69.

8. Шейфер О.Я. Производство кожи и овчины высокого качества. – М.: Россельхозиздат, 1986. – 160 с.

9. Бабина М.П., Кошнеров А.Г., Бондарь Т.В. Ветеринарно-санитарный контроль при убойе и переработке больных животных: учеб.-метод. Пособие для слушателей факультета повышения квалификации и переподготовки кадров. – Витебск: ВГАВМ, 2019. – 44 с.
10. Горбатовский А. Оценка состояния и перспектив совершенствования кормовой базы для интенсивного развития животноводства // Актуальные проблемы устойчивого развития агропромышленного комплекса: материалы XII Междунар. науч.- практ. конф., Минск, 11-12 окт. 2018 г. - Минск: Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2018. - С. 60-64.
11. Сочнева Е.Н., Киян Т.В., Плотникова С.П. К вопросу об эффективности государственных вложений в сельскохозяйственную отрасль // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Том 11. № 2.
12. Лопатнюк А.А., Тиво П.Ф., Соловцов Н.И., Лопатнюк Л.А. Основные направления и совершенствование методов конвейерного производства кормов на пашне и лугопастбищных угодьях // Аграрная экономика. 2021. № 4. С. 78-96.
13. Pirzada K., Ahmed K., Moens G. Aligning Corporate Strategies with the Sustainable Development Goals. *Foresight and STI Governance*. 2023;7(2):5–7.
14. Domnich E. The Impact of Product and Process Innovations on Productivity: A Review of Empirical Studies. *Foresight and STI Governance*. 2022;16(3): 68–82.
15. Механизм повышения эффективности мясного скотоводства на основе ресурсосбережения: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: специальность 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством / Грибов Андрей Владимирович. – Горки, 2016. – 175 с.
16. Киреенко Н. В. Новая конфигурация глобальный производственно-сбытовых цепочек на агропродовольственном рынке // Белорусский экономический журнал. 2022. № 1. С. 62-78.
17. Mustapha M.D., Zakaria Z., Rahin N.M., Wahab N.S.A. Competitive Strategies for Corporate Sustainability. *Foresight and STI Governance*. 2023; 17(4): С. 45–53.
18. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2024 г. № 119 «О поставке необработанных шкур крупного рогатого скота для республиканских государственных нужд на 2024 год» - URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400119>.

References

1. How the cognitive sphere of the page develops. - URL: <https://www.sb.by/articles/aktsent-na-shkurnyy-aspekt.html>
2. Paredes-Leon F., Rodriguez-Salvador M., CastilloValdez P.F. Evaluating the Impact of Technology Transfer from the Perspective of Entrepreneurial Capacity. *Foresight and STI Governance*. 2023;17(1):80–87.
3. Babloyan V.P., Balberova N.A., Eremina I.A., Shulenkova E.I., Ivanova R.A., Peskin Ya.I. Handbook of the tanner. (Finishing. Production control). 1987: 256.
4. The National Statistical Committee of the Republic of Belarus. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-df/oficial_statistika/nov_inov_infografika-2023.pdf.
5. Burachevsky A.A. The state and directions of development of meat animal husbandry in the Republic of Belarus. *Economic Bulletin of the National Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2022;(4): 45-51.
6. Pilipuk A.V., Kondratenko S.A., Gusakova I.V. Prospects for the implementation of a unified strategy for ensuring food security of the Union State. *Belarusian Economic Journal*. 2023;(3): 21-37
7. Lipnitskaya V.V., Kulaga I.V. Analysis and assessment of factors influencing changes in meat production in Belarus. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2023;(1):61-69.
8. Shafer O.Ya. Production of high-quality leather and sheepskin. 1986:160.

9. Babina M.P., Koshnerov A.G., Bondar T.V. Veterinary and sanitary control during slaughter and processing of sick animals: textbook.- the method. *A manual for students of the Faculty of advanced training and retraining*. 2019: 44.
10. Gorbatovsky A. Assessment of the state and prospects of improving the feed base for the intensive development of animal husbandry. *Actual problems of sustainable development of the agro-industrial complex*. 2018: 60-64.
11. Sochneva E.N., Kiyani T.V., Plotnikova S.P. On the issue of the effectiveness of state investments in the agricultural sector. *Food policy and security*. 2024;11(2).
12. Lopatnyuk A.A., Tivo P.F., Solovtsov N.I., Lopatnyuk L.A. The main directions and improvement of methods of conveyor feed production in arable land and grasslands. *Agrarian economics*. 2021;(4): 78-96.
13. Pirzada K., Ahmed K., Moens G. Aligning Corporate Strategies with the Sustainable Development Goals. *Foresight and STI Governance*. 2023;7(2):5–7.
14. Domnich E. The Impact of Product and Process Innovations on Productivity: A Review of Empirical Studies. *Foresight and STI Governance*. 2022;16(3): 68–82.
15. The mechanism of increasing the efficiency of beef cattle breeding based on resource conservation: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences: specialty 08.00.05 Economics and management of the national economy. 2016:175
16. Kireenko N. V. New configuration of global supply chains on the agro-food market. *Belarusian Economic Journal*. 2022;(1): 62-78.
17. Mustapha M.D., Zakaria Z., Rahin N.M., Wahab N.S.A. Competitive Strategies for Corporate Sustainability. *Foresight and STI Governance*. 2023; 17(4): C. 45–53.
18. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 23, 2024 No. 119 "On the supply of unprocessed cattle hides for Republican State needs for 2024" - URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400119>.

Информация об авторах

В.В. Липницкая - кандидат экономических наук, УО «Белорусский государственный аграрный технический университет», г. Минск, Республика Беларусь;

И.В. Кулага - кандидат экономических наук, УО «Белорусский государственный аграрный технический университет», г. Минск, Республика Беларусь;

А.А. Бурачевский - кандидат экономических наук, Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь

Information about the authors:

V. V.Lipnitskaya - Candidate of Economic Sciences, EI "Belarus State Agrarian Technical University", Minsk, Republic of Belarus

I.V. Kulaga - Candidate of Economic Sciences, EI "Belarus State Agrarian Technical University", Minsk, Republic of Belarus

A. A. Burachevsky - Candidate of Economic Sciences, State Scientific Institution "Scientific Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus", Minsk, Republic of Belarus

Статья поступила в редакцию 14.06.2024 г.; одобрена после рецензирования 24.06.2024 г.; принята к публикации 28.06.2024 г.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 35-45.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 35-45.

Научная статья
УДК 314.5

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Анна Александровна Вяльшина

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, anvyal@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа уровня жизни сельских семей с разным числом детей. Рассмотрены факторы, влияющие на уровень материального благополучия семьи: уровень образования родителей, их профессионально - квалификационный состав, сфера занятости. Проанализирован состав имущества семей с разным числом детей. Выявлены особенности экономической депривации этих семей через анализ лишений, рассмотрены стратегии разных типов семей по улучшению материального благополучия. Полученные результаты могут способствовать разработке инструментов государственной семейной политики, учитывающих специфические интересы и потребности сельских семей с разным количеством детей.

Ключевые слова: семьи с детьми, сельские семьи, уровень жизни, материальное благополучие, экономическая депривация, социологические исследования.

Для цитирования: Вяльшина А.А. Уровень жизни и стратегии повышения материального благополучия сельских семей с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С.35-45.

Original article

LIVING STANDARDS AND STRATEGIES FOR IMPROVING THE MATERIAL WELL-BEING OF RURAL FAMILIES WITH CHILDREN

Anna A. Vyalshina

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
anvyal@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of living standard of rural families with various numbers of children. The factors influencing the level of material well-being of the family are considered: the level of education of parents, their vocational and qualification structure, the sector of employment. The composition of the property of families with various numbers of children is analyzed. The features of economic deprivation of these families are revealed through the analysis of deprivation, strategies of different types of families to improve material well-being are considered. The results obtained can contribute to the development of state family policy tools that take into account the specific interests and needs of rural families with various numbers of children.

Key words: *families with children, rural families, standard of living, material well-being, economic deprivation, sociological research*

Для цитирования: *Vyalshina A.A. Living standards and strategies for improving the material well-being of rural families with children. Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2):35-45. (In Russ)*

Введение.

Демографические риски развития сельских территорий, наблюдающиеся в последние десятилетия, снижают потенциал экономического роста, нацеленный на повышение качества и уровня жизни населения страны. Анализ демографических трендов, обострившихся в период пандемии коронавируса, свидетельствует об отрицательной динамике ряда ключевых показателей, выступающих индикаторами достижения национальных целей развития Российской Федерации. Демографическая составляющая социально-экономической политики государства нацелена на решение проблем депопуляции сельского населения и роста естественной убыли населения, суженного воспроизводства трудовых ресурсов, старения населения страны.

Благодаря государственным мерам поддержки рождаемости, проводимым в России с 2005 г., наблюдался рост числа рождений, причем в сельской местности более высокими темпами. Однако с 2015 г. разрыв между городской и сельской рождаемостью начал сокращаться. Именно с 2015 года сельская рождаемость впервые за много лет стала ниже городской. Если в 2011 г. общий коэффициент рождаемости на селе составлял 14,1 рождений на одну женщину (в городе 12,0), то к 2015 г. он сократился до 12,8 промилле (в то время как в городе вырос до 13,4). По данным за 2021 г. общая рождаемость в сельской местности и городах сравнялась (9,6 промилле в городе и 9,5 – на селе). Эксперты подчеркивают, что главными факторами, определяющими данные процессы, являются уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, продолжающееся сокращение потребности современной молодежи в семье с несколькими детьми, а также постепенное «старение» возраста материнства [1, 2].

Немаловажным фактором снижения рождаемости является рост рисков бедности семьи при рождении ребенка. Результаты многих исследований показывают, что с появлением ребёнка в домохозяйствах ухудшается материальное положение, а в семьях с несколькими детьми уровень жизни становится еще ниже [3]. Некоторые авторы отмечают, что рождение ребенка также снижает доступность рынка жилья, слабо работают инструменты, позволяющие сочетать родительство и профессиональную занятость [4]. В семьях с детьми изменяется структура конечного потребления в сторону увеличения расходов на базовое потребление, обеспечивающее жизнедеятельность (питание, одежда и обувь), при этом снижается вес расходов, связанных с инвестициями в человеческий капитал (здравоохранение, образование, досуг). Поэтому домохозяйства с детьми вынуждены привлекать больше заемных средств для поддержания приемлемого уровня жизни. В этих условиях имеющиеся у среднестатистической семьи ресурсы не обеспечивают эффективного формирования человеческого потенциала детского населения, соответствующего нынешним запросам экономики знаний, а ограничиваются возможностями удовлетворения лишь первичных потребностей [4, с.140].

В целом, семьи с детьми в нашей стране остаются наиболее уязвимой категорией населения. С точки зрения рисков монетарной бедности, они растут по мере увеличения в составе семей числа несовершеннолетних детей, особенно резко — при появлении в семье третьего ребенка [5]. Эксперты отмечают, что современные меры социальной поддержки семей с детьми не компенсируют сокращение уровня их жизни, а направлены на обеспечение физического выживания и не позволяет им выйти из категории «бедных» [6; 7]. Для достижения демографических целей развития необходима социально-экономическая политика государства, способствующая минимизации конфликта «дети или материальный достаток» [8].

Проживание в сельской местности усугубляет материальное положение и качество жизни семей с детьми. Упадок сельскохозяйственного производства во многих населенных

пунктах, узость сфер приложения труда, отсутствие свободных рабочих мест, сезонность занятости в сельском хозяйстве накладывают отпечаток на уровень жизни всех сельских жителей, а высокая иждивенческая нагрузка в семьях с детьми вынуждает родителей к поиску дополнительных источников обеспечения материального благополучия. В этих условиях актуализируются исследования материального положения сельских семей с детьми, имеющих различий в уровне жизни между семьями с разным числом детей, а также реализуемых стратегиях повышения материального благополучия. Полученные результаты будут способствовать совершенствованию инструментов государственной семейной политики с целью более полного учета интересов и потребностей сельских семей с детьми.

Целью исследования являлся анализ уровня жизни сельских семей с детьми в зависимости от числа имеющихся детей.

Главными задачами исследования являются:

- изучение родительских факторов формирования материального благополучия семей с детьми (уровень образования и профессионально-квалификационный состав родителей, сфера их занятости);
- анализ материального положения, наличия имущества и подсобного хозяйства в семьях с разным числом детей;
- оценка экономической уязвимости и стратегий повышения материального благополучия сельских семей с детьми;
- анализ удовлетворенности различными аспектами жизни сельских жителей, имеющих детей до 18 лет.

Методы исследования.

Информационной базой исследования являются результаты прикладного социологического исследования, проведенного Институтом аграрных проблем РАН. Объект исследования – жители сельских поселений Саратовской области (N=1 215). Для целей настоящего исследования была сформирована подвыборка, состоящая из сельских жителей, имеющих детей до 18 лет. Всего в выборке 438 респондентов имеют несовершеннолетних детей (36,1%), в том числе 238 имеют одного ребенка (54,3% от всех семей с детьми), 154 – двоих (35,2%) и 46 - троих и более (10,5%). В составе опрошенных родителей 170 мужчин (38,8%) и 268 женщин (61,2%). Интерпретация полученных результатов осуществлялась с помощью пакета прикладных программ SPSS 21.0.

Результаты исследования.

Занятость и уровень образования

Особенности занятости мужчин и женщин из сельских семей с детьми различаются, причем удельный вес наемных работников в составе женщин с несовершеннолетними детьми выше, чем в составе сельских мужчин. Наемными работниками являются 48,6% сельских мужчин и 55,6% женщин, при этом наблюдаются различия между мужчинами и женщинами с разным числом детей. Полученные данные свидетельствуют о снижении удельного веса занятых по найму с ростом числа детей. Например, если среди мужчин, имеющих 1 ребенка, являются наемными работниками 48,6%, среди имеющих 2 детей – 49,7%, то среди многодетных – только 34,7%. Аналогичная ситуация и среди женщин: если в составе однопородных трудятся по найму 61,3%, среди двухдетных – 57,3%, то в составе многодетных – только 40,6%. Мужчины чаще женщин выбирают самозанятость (товарное ЛПХ), их доля вне зависимости от детей составляет порядка 12,2-12,7%, в то время как доля женщин, являющихся самозанятыми, растет с числом имеющихся детей (от 4,7% в составе однопородных до 8,3% среди многодетных). Кроме того, для мужчин характерен более частый выбор предпринимательской деятельности по сравнению с женщинами. Так, среди однопородных мужчин удельный вес фермеров составляет 14,1%, среди двухдетных – 9,1%, среди многодетных – 16,3%, в то время как среди сельских женщин выше доля домохозяек, не имеющих официальной занятости, а занимающихся домашним хозяйством и воспитанием детей (14,7% среди имеющих 1 ребенка, 11,0% - среди имеющих 2 детей и 18,8% в составе многодетных). Важно отметить, что среди сельских мужчин, имеющих несовершеннолетних детей, около 9,0% отно-

сят себя к безработным (в составе женщин 5,9%), причем среди однопородных 6,3%, а среди двухдетных – 4,3%, в то время как в составе многодетных – 16,3%. Среди женщин удельный вес безработных незначительно зависит от числа имеющих детей и варьируется от 4,0% в составе двухдетных до 5,2% среди многодетных.

Полученные результаты исследования позволяют проанализировать зависимость уровня образования и профессиональной структуры занятости опрошенных родителей от числа имеющих детей, при этом цели данного исследования подразумевали опрос представителей обоих полов (т.е. респондентами могли быть как матери, так и отцы несовершеннолетних детей).

Традиционно уровень образования сельских мужчин ниже, чем уровень образования женщин: высшее образование имеют 32,2% женщин и 26,6% мужчин, среднее профессиональное – 41,0% и 30,8%, соответственно. Мужчины чаще женщин имеют начальное профессиональное образование (18,7% и 10,3% соответственно), а также среднее общее (17,4% и 12,9%). Основное общее имеют 6,5% опрошенных сельских мужчин и 3,7% женщин.

Полученные данные подтверждают наличие зависимости между уровнем образования женщин и количеством имеющих детей: чем ниже уровень образования, тем больше детей у женщины. Например, в составе однопородных женщин имеют высшее образование 42,5%, среди двухдетных - 29,3%, а среди многодетных – 14,9% (результаты статистически значимы, $\chi^2=38,386$ при $\chi^2_{кр.}= 26,2$, $\alpha=0,01$). Среднее профессиональное образование имеют 35,2% женщин с 1 ребенком, 47,7% с 2 детьми и 42,6% - с 3 и больше (рисунок). Начальное профессиональное образование менее распространено, тем не менее многодетные женщины имеют его чаще остальных (13,8% по сравнению с 9,0% среди двух- и 9,8% среди однопородных женщин). Важно отметить, что в составе однопородных женщин около 12,5% не имеют профессии (а только среднее общее образование или ниже), среди двухдетных – 14,0%, в то время как в составе многодетных – уже 28,7%.

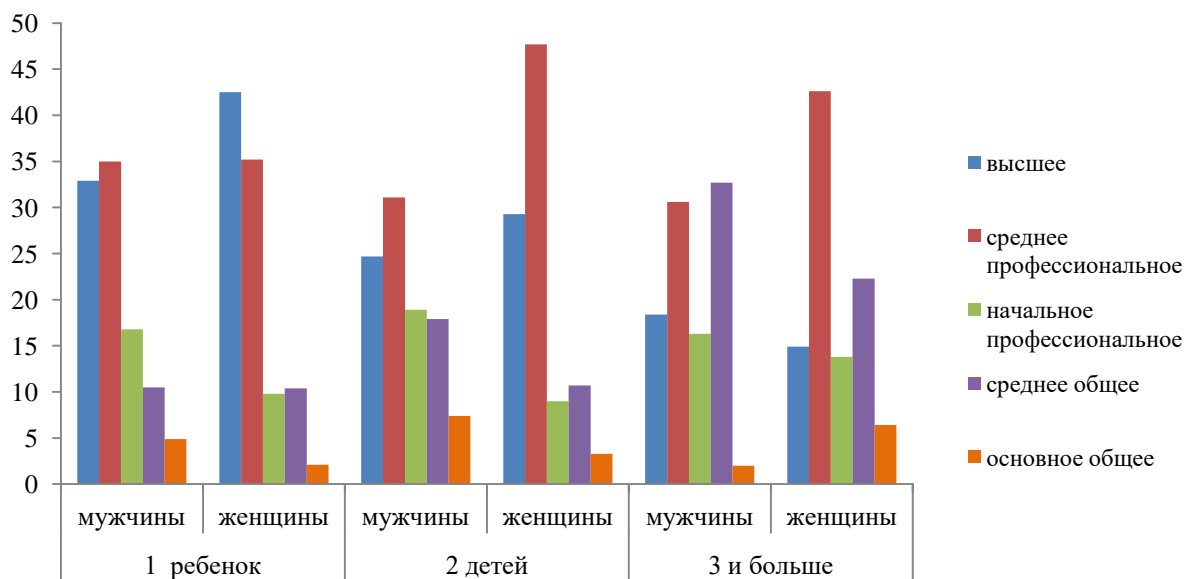

Рисунок - Уровень образования опрошенных родителей в зависимости от количества имеющих детей, в % от соответствующей группы

Уровень образования сельских мужчин также взаимосвязан с числом имеющих детей. Выявлена закономерность: чем больше у мужчины детей, тем ниже (при прочих равных условиях) его уровень образования. Например, если в составе однопородных мужчин 32,9% имеют высшее образование, среди двухдетных – 24,7%, то среди многодетных – только 18,4%. Аналогичная ситуация со средним профессиональным образованием: его имеют 35,0% мужчин, имеющих 1 ребенка, 31,1%, имеющих двоих детей и 30,6% многодетных.

Наибольшие различия наблюдаются по удельному весу мужчин, имеющих среднее общее образование. Так, если в составе однопородных мужчин только 10,5% имеют среднее общее образование, то среди многодетных – уже 32,7%.

Анализ профессионально-квалификационного состава сельских мужчин свидетельствует о снижении их уровня квалификации с ростом числа имеющих детей. Наивысший профессионально-квалификационный состав имеют однопородные мужчины, наименьший – многодетные (табл. 1). В составе мужчин, имеющих 1 ребенка, около 17,9% являются руководителями, еще 10,4% - специалистами высшего уровня квалификации, среди многодетных – 12,9% и 3,2%, соответственно. По мере роста числа детей растет удельный вес сельских мужчин, занятых на должностях специалистов среднего уровня квалификации (от 18,9% среди однопородных до 35,5% среди многодетных). Похожий тренд отмечается и по должностям квалифицированных и неквалифицированных рабочих: с увеличением числа детей растет как доля квалифицированных рабочих (с 19,8% в составе однопородных до 29,2% среди двухдетных и 29,0% среди многодетных), так и удельный вес неквалифицированных рабочих (от 11,3% до 19,4% , соответственно).

Таблица 1 – Профессионально-квалификационная группа одного из родителей в зависимости от числа несовершеннолетних детей, в % от соответствующей группы

	1 ребенок		2 детей		3 и больше		Среднее по группе	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Руководители, представители органов власти и управления	17,9	14,4	11,5	8,5	12,9	4,4	13,7	9,2
Специалисты высшего уровня квалификации	10,4	12,9	8,5	16,9	3,2	6,7	8,5	14
Специалисты среднего уровня квалификации	18,9	36,0	20,8	46,0	35,5	53,3	20,5	43,5
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов, обслуживанием клиентов	3,8	9,4	2,3	6,3	0	4,4	2,6	7,2
Работники сферы услуг, торговли, ЖКХ	11,3	8,6	3,8	6,3	0	4,4	6,8	6,8
Квалифицированные работники с/х, промышленности	19,8	5,8	29,2	6,9	29	4,4	24,8	7,2
Операторы машин, аппаратчики, машинисты установок и машин	6,6	0,7	5,4	0,5	0	0	5,4	0,7
Неквалифицированные работники всех отраслей	11,3	12,2	18,5	8,5	19,4	22,2	17,7	11,4

Профессионально-квалификационный состав женщин также взаимосвязан с числом имеющих детей. Среди однопородных женщин доля руководителей и специалистов высшего уровня квалификации составляет 27,3%, среди двухдетных – 25,4%, в то время как среди многодетных – только 11,1% (табл. 1). Отмечено, что с ростом числа детей увеличивается удельный вес женщин, занятых на должностях среднего уровня квалификации (от 36,0% среди однопородных до 53,3 % в составе многодетных). Важно отметить, что среди женщин, имеющих 3 и более детей, около 22,2% относятся к неквалифицированным работникам всех отраслей (среди однопородных 12,2%, в составе двухдетных – 8,5%). В среднем 6,8% сельских женщин работают в сфере торговли, услуг, ЖКХ (от 8,6% в составе однопородных до 4,4% среди многодетных), а также 7,2% являются квалифицированными работниками сельского хозяйства и/или промышленности (чаще остальных двухдетные женщины).

Таким образом, полученные данные подтверждают наличие взаимосвязи между уровнем образования и количеством имеющих детей, как для сельских женщин, так и мужчин. Данный вывод согласуется с полученными другими исследователями данными о том, что число имеющих детей вступает в конфликт с накоплением и развитием индивидуального человеческого капитала индивида. Среднее число лет обучения однопородных мужчин и женщин не различается и составляет 13,1 лет; у двухдетных женщин оно максимальное из всех рассматриваемых групп и составляет 13,4 лет, сильно опережая число лет обучения двухдетных мужчин (12,6 лет). Многодетные сельские женщины обучались в среднем 12 лет, в то время как многодетные мужчины – только 11,5 лет. Очевидно, что взаимосвязь между коли-

чеством имеющих детей и уровнем образования и профессиональной квалификации родителей детерминирует уровень материального благополучия семьи, определяя возможные стратегии улучшения материального положения домохозяйства.

Материальное положение и наличие подсобного хозяйства

Около 58,4% опрошенных сельских жителей указали, что по субъективным ощущениям материально справляются со своими расходами, чаще остальных на это указывают одно- и двухдетные семьи (56,8% и 61,6%, соответственно). Среди многодетных около 55,4% указали, что справляются с текущими расходами. Материально трудно и очень трудно живут 35,2% многодетных семей, 29,3% одно- и 28,2% двухдетных домохозяйств, при этом в составе семей с 1 ребенком выше удельный вес тех, кто указал, что живет материально комфортно (13,9% по сравнению с 10,2% среди двухдетных и 9,5% в составе многодетных).

Полученные результаты исследования показывают, что в среднем по выборке около 58,4% семей имеют среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума (равного на момент исследования 14375 руб.; были округлены для удобства до 15000 руб.). Высокая иждивенческая нагрузка в семьях с детьми обуславливает рост удельного веса малоимущих семей по мере увеличения числа детей. В составе однодетных семей около 52,2% семей с доходами ниже величины прожиточного минимума (в том числе 5,8% до 0,5 ВПМ или 7500 руб. на человека), среди двухдетных 63,0% (в том числе 9,7% до 0,5 ВПМ), в то время как среди многодетных 71,6% (около 14,9% с доходами до 7500 руб. на члена семьи). Около 40,0% однодетных семей имеют среднедушевые денежные доходы от 1 до 2 ВПМ (от 15000 до 30000 руб.), среди семей с 2 детьми - 31,6% и только 25,4% многодетных имеют такие доходы. Более 30000 руб. в месяц на члена семьи имеют 7,1% однодетных, 4,4% двухдетных и 3,0% многодетных сельских семей.

Таблица 2 – Наличие и состав имущества у сельских семей с детьми в зависимости от числа детей, в % от соответствующей группы

	1 ребенок	2 детей	3 и более детей	Среднее по выборке
дом, часть дома, квартира	94,8	93,6	93,0	87,4
приусадебный участок у дома	71,2	77,0	67,8	63,2
земельный надел (не у дома)	10,0	11,2	9,1	6,1
парник, теплица	11,8	7,0	2,8	10,4
лошадь	0,9	3,3	0,0	2,2
корова	18,8	29,6	29,4	14,7
мелкий скот (овцы, свиньи, козы, кролики)	21,0	25,5	32,9	19,5
птица	37,3	53,4	47,2	32,0
легковая машина	53,6	61,5	53,1	43,7
мотоцикл	6,8	6,6	4,8	5,5
трактор	8,5	11,0	7,7	8,2
грузовая машина	3,3	5,2	7,0	3,5
мотоблок и другая сельхозтехника	18,2	16,2	12,6	12,6
имеют земельный пай	16,5	13,0	9,5	21,6
средний размер пая, га	22,1	21,9	11,3	31,9
имеют ЛПХ	67,2	77,1	79,0	58,4
среднее количество коров, шт	2,9	5,0	3,25	3,9
среднее количество голов птицы, шт	30,8	27,1	21,6	28,3

Наличие и состав имеющегося у семьи имущества имеет важное значение, как для обеспечения текущего уровня благосостояния, так и для возможностей поиска и реализации стратегий улучшения своего материального положения. Результаты проведенного исследования показывают, что имущественный состав семей с детьми на селе отличается наличием собственных домов (или их части) (результаты статистически значимы, $\chi^2=12,203$ при $\chi^2_{кр.}=11,3$, $\alpha=0,01$), приусадебных участков ($\chi^2=16,009$ при $\chi^2_{кр.}=11,3$, $\alpha=0,01$), коров ($\chi^2=26,59$

при $\chi^2_{кр.} = 11,3$, $\alpha = 0,01$), мелкого скота - овец, свиней, кроликов ($\chi^2 = 10,98$ при $\chi^2_{кр.} = 7,8$, $\alpha = 0,05$), птицы ($\chi^2 = 37,445$ при $\chi^2_{кр.} = 11,3$, $\alpha = 0,01$) и легковых автомобилей ($\chi^2 = 20,513$ при $\chi^2_{кр.} = 11,3$, $\alpha = 0,01$). Данный состав имущества позволяет сельчанам максимально эффективно использовать эти ресурсы для обеспечения своей семьи продуктами питания. Тем не менее, можно отметить различия в составе имеющегося хозяйства у семей с разным числом детей. Однодетные семьи чаще имеют теплицы и различный сельхозинвентарь (мотоблок, инструменты и др.), а также земельные паи (16,5% по сравнению с 13,0% среди двухдетных и 9,5% в составе многодетных), средний размер которых максимальный среди семей с детьми, но меньший, чем в среднем по выборке. По мере роста числа имеющихся детей увеличивается удельный вес тех, кто содержит коров (от 18,8% среди семей с 1 ребенком до 29,4% в составе многодетных), мелкий скот (от 21,0% до 32,9%, соответственно) и имеет грузовые машины (от 3,3% до 7,0%, соответственно). Двухдетные семьи чаще остальных имеют трактор (11,0% по сравнению с 8,5% среди однодетных и 7,7% в составе многодетных) и содержат в среднем больше коров (около 5 голов).

Экономическая уязвимость и стратегии улучшения материального благополучия

Низкий уровень среднедушевых доходов обуславливает высокий уровень экономической уязвимости домохозяйства, что является серьезным ограничением возможностей самостоятельного повышения уровня и качества жизни семьи. В нашем исследовании он оценивается на основе анализа степени экономической депривации. Данный вопрос нацелен на анализ базовой депривации, под которой понимается принудительное лишение каких-либо благ в отличие от личного выбора не иметь данных предметов, товаров, услуг и возможностей. Она измерялась на основе ответа на вопрос: «Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить какие-либо первоочередные нужды?». Количество вариантов испытываемых лишений суммировалось, на основании чего выделялись группы, ранжируемые по степени депривации: отсутствие депривации, средняя степень (1-2 лишения за последний год), сильная (3 и более лишений). В среднем по выборке не испытывают экономической депривации 18,3% опрошенных сельчан, в составе семей, не имеющих несовершеннолетних детей, – 21,4%. Среди семей с детьми до 18 лет только 13,9% одно- и 13,6% двухдетных указали на отсутствие лишений по экономическим причинам, а среди многодетных – только 4,3% (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 21,135$ при $\chi^2_{кр.} = 16,812$, $\alpha = 0,01$). Около 71,4% многодетных, 70,1% двухдетных и 67,6% семей с 1 ребенком указали на относительный уровень экономической депривации (1-2 лишения). Полученные результаты показывают рост уровня депривации с числом имеющихся детей. Высокий уровень экономической депривации, характеризующийся наличием 3 и более лишений за последний год, испытывают 18,5% однодетных, 16,2% двухдетных и 23,9% многодетных семей (при средней по выборке 14,8%).

Результаты проведенного исследования показывают разный характер депривации семей с 1-2 детьми и многодетных. Семьи, имеющие троих и более детей, чаще остальных указали на отсутствие возможности приобрести необходимую одежду (17,8% многодетных и 11,6% однодетных семей при средней 8,9%) и обувь (24,4% многодетных, 15,2% двухдетных и 13,0% однодетных домохозяйств) (табл.2). Почти половина из них (48,9%) были вынуждены задерживать оплату услуг ЖКХ и/или выплат по кредитам, в то время как в составе однодетных об этом упоминали 34,7%, а среди двухдетных – 38,4% (при средней по выборке 29,9%). Семьи с 3 и более детьми чаще остальных указывали на пищевую депривацию, характеризующуюся трудностями с обеспечением регулярного сбалансированного и качественного питания (15,6% по сравнению с 11,6% среди одно- и двухдетных). Кроме того, каждая пятая многодетная семья указала, что не имеет возможности удовлетворить свои основные нужды, не влезая в долги (20,0% по сравнению с 18,5% в составе однодетных и 13,8% среди двухдетных). В то же время семьи с меньшим числом детей чаще указывали не столько на трудности относительно первоочередных нужд, сколько на проблемы с проведением досуга. Например, около 39,8% семей с 1 ребенком сетуют на невозможность провести свой

досуг так, как им бы того хотелось (среди двухдетных 44,2%, в составе многодетных – 22,4%); 20,4% однопдетных семей указали, что не могут позволить себе купить подарки близким хотя бы раз в год (по сравнению с 18,1% среди двухдетных и 15,6% многодетных); 10,2% указали на невозможность встретиться с родственниками и друзьями по праздникам (среди двухдетных 9,4%, в составе многодетных – 6,7%). Около 4,5% семей вне зависимости от числа детей не могли приобрести нужных лекарств, около 5,6% однопдетных и 2,2% многодетных не могли по финансовым причинам обеспечить достаточное тепло в доме.

Таблица 3 – Особенности экономической депривации сельских семей с детьми в зависимости от числа имеющихся детей, в % от соответствующей группы

Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить основные нужды?	1 ребенок	2 детей	3 и более детей	Среднее по выборке
не имели 2 пары прочной обуви по сезону	13,0	15,2	24,4	13,1
не могли позволить себе есть мясные или рыбные блюда через день	11,6	11,6	15,6	11,6
не имели необходимой одежды по сезону	11,6	6,5	17,8	8,9
были не в состоянии обеспечить достаточное тепло в доме	5,6	2,9	2,2	4,7
не могли позволить себе покупать подарки близким, друзьям хотя бы раз в год	20,4	18,1	15,6	21,2
были вынуждены задерживать оплату услуг ЖКХ, выплаты по кредитам	34,7	38,4	48,9	29,9
не могли позволить себе встретиться с родственниками и друзьями, чтобы отметить праздники	10,2	9,4	6,7	9,0
не имели достаточного количества еды, чтобы наесться (поесть)	0,9	0,7	2,2	1,5
не смогли купить лекарств или остались без лечения, в котором нуждались	4,6	4,3	4,4	7,1
не могли удовлетворить первоочередные нужды, не влезая в долги	18,5	13,8	20,0	14,2
не могли провести свободное время так, как хотелось бы	39,8	44,2	24,4	39,0

Анализ возможностей для повышения собственного материального благополучия позволяет сделать вывод о том, что для различных социальных групп характерны ориентации на разные способы улучшения материального положения. Основные стратегии повышения материального благополучия семей с детьми на селе связаны со своим хозяйством: около 42,2% многодетных, 40,8% однопдетных и 32,7% двухдетных родителей указали, что для повышения уровня жизни обеспечивают себя продуктами питания собственного производства. В дополнение к этому, 14,2% однопдетных, 13,7% двухдетных и 11,1% многодетных семей практикуют продажу излишков произведенной продукции. От 28,1% двухдетных до 35,6% многодетных родителей указали, что используют любые возможности разовых и временных подработок (при средней среди не имеющих несовершеннолетних детей 23,5%). Работали по совместительству в нескольких местах около 9,0% родителей вне зависимости от количества детей; работали сверхурочно или по совместительству на основной работе чаще двухдетные родители (9,8% по сравнению с 6,9% в составе однопдетных; среди многодетных совместителей не оказалось). Тем не менее, около 11,1% многодетных родителей указали, что проходили переобучение или повышали квалификацию для улучшения возможностей трудоустройства (среди однопдетных на это указали 6,4%, среди двухдетных – 4,6%). От 15,0% однопдетных до 11,1% многодетных сельчан указали на помощь родственников, друзей, знакомых, а 22,2% родителей, имеющих 3 и более детей, вынуждены регулярно занимать деньги (по сравнению с 11,2% в составе однопдетных и 13,7% среди двухдетных).

Тем не менее, важно отметить, что большинство представителей опрошенных семей с детьми считают себя счастливыми и демонстрируют достаточно высокую удовлетворенность различными аспектами своей жизни, по крайней мере, по сравнению с теми сельчанами, которые не имеют несовершеннолетних детей. При этом, удельный вес довольных и счастливых растет с числом имеющихся детей. Так, считают себя в целом счастливыми 89,1% многодетных (в том числе 23,9% очень счастливыми), 83% двухдетных (в том числе 20,3% очень

счастливы) и 75,8% однодетных родителей (14,4% соответственно), в то время как среди не имеющих детей – только 74,1% (в том числе 15,9% очень счастливы). При этом в составе сельских жителей, не имеющих детей, около 29,2% указали, что ощущают себя не очень счастливыми, в то время как среди однодетных на это указали 24,2%, в составе двухдетных 17,0%, среди многодетных – только 10,9%.

Результаты исследования показывают, что для однодетных родителей характерна высокая удовлетворенность работой по сравнению с родителями большего количества детей (6,69 по 10-бальной шкале среди однодетных, 6,64 – двухдетных и 6,2 в составе многодетных при средней среди не имеющих детей 6,66). По всем остальным аспектам своей жизни показатели удовлетворенности растут по мере увеличения числа имеющихся детей. Максимальные значения уровня удовлетворенности по таким аспектам, как: взаимоотношения в семье и с окружающими больше остальных удовлетворены многодетные родители (в семье 9,09 по сравнению с 8,42 среди однодетных и 8,67 в составе двухдетных; с окружающими – 7,93 по сравнению с 7,7 однодетных и 7,79 среди двухдетных). Кроме того, для многодетных сельчан характерна высокая удовлетворенность своей жизнью в целом, а также своим местом в жизни и своими достижениями (7,71 по сравнению с 6,97 среди однодетных и 7,2 для двухдетных). Наименьшие показатели уровня удовлетворенности по сравнению с остальными аспектами жизни характерны для материального положения семьи. Выше всего он у двухдетных родителей (5,86), в то время как у однодетных 5,6, а у многодетных – 5,55.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в представлениях сельчан дети являются одним из ключевых факторов счастливой жизни, средством самореализации и фактором высоких жизненных достижений, несмотря на низкий уровень материального благополучия.

Выводы.

Таким образом, результаты исследования подтверждают прямую зависимость уровня жизни сельских семей с детьми от количества имеющихся детей. Наличие несовершеннолетних детей, особенно нескольких, увеличивает иждивенческую нагрузку на домохозяйство, повышает риски экономической депривации, и в отсутствие свободных рабочих мест и развитого рынка труда в сельской местности обрекает большинство таких семей на бедность. Выявлена тенденция снижения уровня образования с ростом количества детей, при этом наивысший уровень образования и высокую профессиональную квалификацию имеют одно-, реже двухдетные женщины и мужчины, в то время как многодетные чаще не имеют профессионального образования и работают на должностях неквалифицированных рабочих (особенно это характерно для мужчин). Ключевым фактором поддержания материального благополучия становится собственное хозяйство, которое позволяет семьям с детьми не только прокормить себя, но и в дальнейшем выучить детей в городе. Полученные данные свидетельствуют о том, что интенсификация занятости в собственном подсобном хозяйстве и поиск дополнительных возможностей подработок на основной работе или на стороне являются важнейшими стратегиями улучшения материального положения сельских семей с детьми.

Результаты проведенного исследования подтверждают выводы исследователей о том, что рождение очередного ребенка является значимым фактором риска ухудшения уровня и качества жизни семьи. Конфликт ценности детей, материального достатка и удачной карьеры для женщин является существенным ограничением роста рождаемости в России. Низкий уровень сельскохозяйственного производства на большинстве сельских территорий, отсутствие возможностей альтернативной занятости и свободных рабочих мест в совокупности с ограниченностью сфер приложения труда на селе препятствуют не только эффективному воспроизводству человеческого капитала села, но и способствуют оттоку молодежи в города. В этих условиях особое значение принимает разработка и реализация мер по развитию возможностей платформенной занятости для родителей, расширению программ переобучения, профессиональной переподготовки или повышения квалификации женщин, имеющих малолетних детей. Особое значение имеет формирование социальной инфраструктуры поддержки материнства и детства, создание частных детских садов или групп продленного дня, кружков

и секций дополнительного развития детей на основе частичного или полного трудоустройства женщин – матерей, не имеющих официальной занятости. Высокая значимость личного подсобного хозяйства для сельских семей с детьми стимулирует расширение программ для интенсификации мелкого сельскохозяйственного производства в виде семейных ферм, развития семейного бизнеса, помощи в реализации и продвижении произведенной продукции. Разработка инструментов государственной семейной политики, учитывающих потребности и интересы сельских семей с детьми, позволит не только повысить уровень и качество их жизни, но и закрепить население на сельских территориях. Вместе с мерами по развитию социальной инфраструктуры села, конкурентного сельскохозяйственного производства, созданию эффективных рабочих мест и расширению неаграрной занятости предлагаемые меры могут стать основой демографического возрождения российского села.

Список источников

1. Блинова Т.В. Демографические риски и ограничения устойчивого развития сельских территорий в период пандемии COVID-19 // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022. № 7. С. 51-59.
2. Блинова Т.В. Демографическое старение сельских территорий России // АПК: экономика, управление. 2021. №2. С. 76-80.
3. Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 121–131.
4. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147-160.
5. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г./ С.С. Бирюкова, Е. А. Горина, А.Р. Горяйнова и др. ; под ред. Л. Н. Овcharовой; М., 2019. — 153 с.
6. Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 121–131.
7. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 102–120.
8. Арефьева В.А., Галактионова Е.А., Сарайкин В.А. Сравнение материального положения сельских и городских жителей в период с 2015 г. по 2020 г. // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 11 (80). с.94-103.

References

1. Blinova T.V. Demographic risks and limitations of sustainable rural development during the COVID-19 pandemic. *The economics of agricultural and processing enterprises*. 2022;(7): 51-59. (In Russ)
2. Blinova T.V. Demographic aging of rural territories of Russia. *Agroindustrial complex: economics, management*. 2021;(2): 76-80. (In Russ)
3. Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. The ratio of the desired and actual well-being of families: according to the socio-demographic survey of married couples. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2021;17(1): 121-131. (In Russ)
4. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(2):147-160. (In Russ)
5. Families with children in Russia: standard of living and policy of social support: dokl. to the XX Apr. international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 9-12 Apr. 2019/ S.S. Biryukova, E. A. Gorina, A.R. Goryainova, etc.; ed. (In Russ)

6. Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V. The ratio of the desired and actual well-being of families: according to the socio-demographic survey of married couples. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2021; 17(1): 121-131. (In Russ)

7. Arkhangelsky V.N., Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G. Children or material prosperity: determination of choice. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2021; 17(1): 102-120. (In Russ)

8. Arefyeva V.A., Galaktionova E.A., Saraykin V.A. Comparison of the financial situation of rural and urban residents in the period from 2015 to 2020. *Economics, labor, management in agriculture*. 2021;11 (80):94-103. (In Russ)

Информация об авторе

А.А. Вяльшина – кандидат социологических наук;

Information about the author

A.A. Vyalshina - Candidate of Sociological Sciences;

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024;
принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024;
accepted for publication 28.06.2024.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 46-51.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 46-51.

Научная статья
УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЙ И СОЦИОРЕСУРСНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ФЕРМЕРСКОГО СЕГМЕНТА

Ирина Владимировна Нечаева

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, irnech89@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции социоресурсного потенциала развития фермерства и проводится анализ социального контекста, сопровождающего данный процесс. В настоящее время наблюдается устойчивый рост благоприятных тенденций, необходимых для развития аграрного предпринимательства. Изучение социальных оснований существования и развития фермерского сословия дало возможность определить вынужденно-хозяйственную мотивацию современного фермерства и выявить тенденции слабой готовности сельских респондентов к инициативным начинаниям в аграрной сфере. Полученные выводы необходимы для разработки мер государственного воздействия по поддержке предпринимательской активности российского фермерства.

Ключевые слова: аграрное предпринимательство, социальный контекст, тенденции, условия, социальные ресурсы, предпринимательская активность.

Для цитирования: Нечаева И.В. Социальный и социоресурсный контекст развития фермерского сегмента // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2024. № 2. С. 46-51.

Original article

SOCIAL AND SOCIAL AND RESOURCE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR

Irina V. Nechaeva

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, irnech89@mail.ru

Abstract. The article presents current trends in the social and resource potential of farming development and analyzes the social context accompanying this process. Currently, there is a steady growth of favorable trends necessary for the development of agricultural industry. The study of the social foundations of the existence and development of the farming profession made it possible to determine the forced economic motivation of modern farming and identify trends in the weak readiness of rural respondents for initiatives in the agricultural sector. The obtained conclusions are necessary for the development of measures of state influence to support the industrial activity of Russian farming.

Key words: agricultural industry, social context, trends, conditions, social resources, business activity.

For citation: Nechaeva I.V. Social and social and resource context of development of the agricultural sector. Regional agrosystems: economics and sociology. 2024;(2): 46-51. (In Russ)

Введение.

Аграрное предпринимательство остается основным двигателем социального и экономического развития сельского пространства. Являясь важной частью аграрной экономики, оно имеет и значимый общественный контекст, выступая в качестве социального каркаса сельского сообщества, замещая собой ряд прежних институтов и связей, исчезнувших из жизни села в постсоветское время. Этим оно во многом определяет социальный ландшафт сельского сообщества, влияя на основные тенденции его динамики.

Изучение социоресурсного потенциала представителей К(Ф)Х, условий и предпосылок развертывания аграрного предпринимательства в селах позволяет:

- получать актуальную информацию о современном состоянии фермерского сообщества и основных тенденциях его социального движения;
- самим фермерам получать информацию, позволяющую вносить организационные и инвестиционные коррективы в деятельность хозяйств;
- поддерживать аграрные предпринимательские проекты, сочетающие ценности модернизации и современный традиционализм, которые необходимы, как для существования единого сельского сообщества, так и фермерской страты в нем;
- выносить на общественное обсуждение текущие процессы и новые идеи в области аграрного предпринимательства;
- разрабатывать меры, стимулирующие агропредпринимательскую активность в селах.

Цель исследования состоит в определении современных тенденций в структуре элементов социоресурсного потенциала фермеров и социальном контексте, сопровождающем процесс становления фермерства.

Задачи исследования:

- провести анализ общественного доверия в проекции рассмотрения вопросов, касающихся социального основания развития предпринимательства, и выявить современные тренды его динамики;
- оценить сложности вхождения индивидов в предпринимательскую когорту;
- исследовать динамику уровня социальной удовлетворенности фермерской занятостью;
- выявить состояние и тенденции изменения элементов социоресурсного потенциала представителей фермерского сословия (фермерских компетенций, пути восполнения недостающих знаний, возрастного состава);
- охарактеризовать ментальную составляющую социальных ресурсов и уровень предпринимательской активности сельчан в сельских сообществах.

Методы исследования.

В качестве основных методов исследования использовались анализ, синтез, вторичный анализ данных. Значимость предполагаемого исследования состоит в получении актуальных сведений, отражающих социальную динамику социоресурсного потенциала становления фермерства.

Результаты исследования.

Аграрная экономика сегодня объективно нуждается в пополнении фермерского резерва, притоке в отрасль инициативных деятельных людей и появлении новых фермерских хозяйств. Возникнув, фермерское хозяйство формирует многоканальные сети взаимодействия с окружающей социальной средой. В вышеозначенном процессе, прежде всего, первична сама фигура фермера, не только как деятельного, созидającego и инициативного индивида, но и как носителя определенных личностных качеств предпринимателя-аграрника, мотивации, профессиональных компетенций.

Современное мнение экспертного сообщества в значимой степени связывает темпы и расширение предпринимательской активности с господствующим общественным мнением, личностным отношением людей к феномену предпринимательства и самих фермеров.

Предпринимательство, понимаемое нами, как социальный феномен, как никакое другое явление действительности основано на общественном доверии. Именно для его развития общественное доверие является особо ценным ресурсом, т.к. по своей социологической сути зиждется на создании стабильных связей, сотрудничестве, координации действий. В ком-

плексе общественное доверие формируется благодаря осознанным усилиям и действиям субъектов на основе готовности взаимодействовать, честности.

Современные исследования ВЦИОМ показывают в целом невысокий уровень общественного доверия. Так, большинство россиян (71%) считают, что во взаимоотношениях с другими людьми необходимо соблюдать осторожность. В то, что доверять можно большинству людей, верит лишь каждый четвертый россиянин — 25%. В данной структуре мнений важным ранжирующим фактором выступает уровень материального достатка. Респонденты с высоким уровнем дохода доверяют другим в два раза чаще, чем люди с невысоким достатком (33% против 17%). Материальная обеспеченность дает чувство социальной защищенности и возможность без проволочек разрешить свои проблемы, а материальные возможности подразумевают большую социальную коммуникативность людей, которая не может осуществляться без соответствующей доверительности.

Хотя большинство опрошенных респондентов проявляют осторожность в общении, более 50% верит в честность людей. Они считают, что окружающие не будут их обманывать, даже если им представится такая возможность, — 48%.

В целом исследование социальной солидарности в обществе показывает, что чуть менее трети россиян сегодня стремятся быть полезными другим (31%). Чаще так считают возрастные респонденты (37% среди респондентов старше 60 лет) и россияне с хорошим материальным положением (41%) [1].

Таким образом, современное пространство общественного доверия и солидарности на фоне сохранения показателей соблюдения осторожности в общении с окружающими демонстрирует устойчивую тенденцию роста благоприятных социальных тенденций в обществе. Респонденты стали больше верить в честность окружения, что формирует благоприятную общественную среду для активизации предпринимательских инициатив.

Развитие аграрно-предпринимательского потенциала села имеет свою специфическую особенность, связанную с характером трудовой занятости в фермерских хозяйствах. Так, социологический ракурс рассмотрения деятельности малых хозяйствующих субъектов, занятых сельскохозяйственным трудом, позволяет утверждать, что именно она обеспечивает экзистенциальные основы существования человека, давая ему ощущение физической и социальной безопасности, прочности социальных позиций. Анализ социальных аспектов сельскохозяйственной занятости в секторе К(Ф)Х подтвердил ее особую значимость для индивидов, которая находит свое выражение в критерии надежности сферы их профессиональной деятельности. За последнее десятилетие данный социальный показатель существенно вырос с 56,8% (2011 г.) до 82% (2020 г.), соответственно, показывая его важность и приоритетность для индивидов, составляющих фермерскую когорту [2].

Социальная и материальная удовлетворенность аспектами трудовой занятости в фермерском сегменте проявляется сегодня в росте уровня удовлетворенности фермеров своими доходами (с 53,1% до 74%); режимом труда с 69,2% до 86,3% (2011, 2020 гг. соответственно). Нематериальные же аспекты труда фермера сегодня характеризуются высоким уровнем профессиональной и моральной удовлетворенности фермерской занятостью, тем самым комплексно иллюстрируя рост их статуса в сельском сообществе [2].

Формирование и реализация предпринимательских устремлений во многом основывается на личностном восприятии сложности вхождения в предпринимательские практики в месте своего проживания. В 2022 г. оценка наличия благоприятных условий, способствующих открытию бизнес проектов в регионах проживания респондентов, достигла 33,7% [3]. Уже несколько лет данный показатель сохраняет свою устойчивость, подтверждая стабильность социальной ситуации, сопровождающей местные условия развития предпринимательства.

Основным условием, сопровождающим деятельность начинающих предпринимателей, является оценка их компетенций и навыков, необходимых для организации собственного дела. Сегодня данный показатель в стране показывает медленный, но неуклонный рост, достигнув в 2022 г. 44,7%. В предшествующее десятилетие его значение росло с 23,5% (2012 г.) до 35,6% (2019 г.). Рост данного показателя свидетельствует об общем прогрессе сферы биз-

нес-образования, а также об эффективности усилий государственных и негосударственных структур, нацеленных на образование и подготовку фермеров и предпринимателей.

Анализ фермерских компетенций позволил выявить ряд тенденций, не укладывающихся в общую канву бизнес-образования в стране. Несмотря на рост количества респондентов, оценивающих свои компетенции, как достаточные для открытия собственного бизнеса, в сельской среде выявлена противоположная тенденция, связанная с недостаточность специальных знаний среди фермеров [4]. Пространство специальных сельскохозяйственных компетенций сегодня нуждается в дополнительном усилении. Среди фермеров с высшим образованием только половина из них имеет сельскохозяйственную специализацию, у группы со средне-специальным образованием данная специализацию присутствует лишь у третьей части [5]. Данная ситуация усугубляется тем, что, начиная с 2011 г., уменьшается число представителей малых К(Ф)Х, выполняющих свои обязанности в соответствии с приобретенной ранее специальностью: с 26,1% (2011 г.) до 18,9% (2020 г.) при росте числа тех, кто не опирается в фермерской деятельности на полученную ранее профессию с 49,1% (2011 г.) до 57,7% (2020 г.) (таблица) [6].

Таблица - Профессиональные компетенции представителей группы малых К(Ф)Х, %

Значение	2011 г.	2020 г.
Имеют профессию (специальность), подтвержденную дипломом	91,5	85,6
Работают в соответствии с полученной специальностью	26,1	18,9
Выполняют работу не соответствующую полученной специальности	49,6	57,7
Прошли переобучение, курсы повышения квалификации	34,5	9,6

Источник: данные Росстата РФ (Комплексные наблюдения условий жизни населения в 2011, 2020 гг.) [6]

Как правило, сегодня приобретение необходимых знаний в фермерском сообществе происходит при помощи сети Интернет. Более 70% представителей малого фермерского сообщества черпают необходимые сведения из интернет-источников. Основным подтверждением сказанного является сокращение числа фермеров (2011-2020 гг.), отдающих предпочтение стационарным курсам — с 34,5% до 9,6% , соответственно [6]. Данные цифры наглядно показывают, что фермеры сегодня преимущественно выбирают путь самообразования через доступный им электронный формат.

Самообразовательные стратегии представителей малого фермерства высвечивает ряд актуальных проблем, связанных, как с освоением компьютерной техники, так и получением недостающих компетенций. Хотя бы раз в неделю используют компьютер в работе около 70% фермеров, около четверти опрошенных испытывают потребность в освоении компьютерных технологий, а порядка 80% фермеров продемонстрировали явную инертность мышления, отметив, что не испытывают особых потребностей в получении компьютерных знаний [6]. Объяснением данной незаинтересованности, на наш взгляд, является зрелый возрастной состав представителей К(Ф)Х. Более 50% фермеров старше 50 лет, и это обуславливает их слабые возможности взаимодействия с современной компьютерной техникой и технологиями [5]. Так же возрастной состав малых фермеров напрямую коррелирует со снижением потребности в обучении новому. В хозяйствах данная проблема решается младшим поколением фермерских семей.

В рамках социологического подхода актуально мнение, что именно ментальность индивидов определяют их предрасположенность к тому или иному виду деятельности [7]. Поэтому теоретически обоснованным считается положение, что обращение к аграрному предпринимательству зависит от формирования определенного мировоззрения, нацеленного на инициативные виды деятельности, но данная предрасположенность не всегда переходит в осознанную инициативную деятельность. В селах продолжает сохраняться вынужденность выбора аграрного предпринимательства [3]. Сельчане, как правило, видят в нем возможность обеспечить себя и свою семью продуктами питания. В сельском сообществе фермерство продолжает оставаться привычным и наиболее доступным источником поддержания определенного жизненного уровня индивидов. В силу вынужденно-хозяйственного спектра фермерства современный период подтверждает сохранение тенденции слабой готовности сель-

ских респондентов к инициативным начинаниям в аграрной сфере, что подтверждается крайне низким уровнем предпринимательской активности в сельских сообществах – 3,1% [3]. Данный контекст требует мер по расширению предпринимательской активности в сельском сообществе в сочетании с работой, формирующей приверженность к сельскому укладу.

Анализ возможностей перехода индивидов в фермерское сословие показали, что хотели бы организовать собственные хозяйства около 26% россиян, но 9% из них занимают выжидательную позицию. Точно хотели бы попробовать себя в роли фермеров 19%, чаще это молодежь в возрасте 25-34 лет (27%) и жители сёл (29%). Больше других потенциальную готовность к фермерству демонстрируют средневозрастные россияне, мужчины, живущие в Поволжье, а также в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах [8].

Заключение.

Анализ современных тенденций развития фермерства позволил зафиксировать сохранение, как отрицательных, так и положительных моментов. На фоне устойчивой тенденции соблюдения осторожности в общении с окружающими (в обществе 71% считают, что необходимо соблюдать осторожность в общении с другими людьми), наблюдается некоторый рост благоприятных социальных тенденций. Респонденты стали больше верить в честность окружения, что формирует более благоприятную общественную среду, в которой реализуются предпринимательские инициативы. В 2022 г. более трети респондентов оценили социальную среду как благоприятную и способствующую открытию бизнеса в регионах их проживания. Рост социальной привлекательности сферы фермерской деятельности обусловлен возросшими показателями социальной надежности сферы, моральной и материальной удовлетворенности собственным положением представителей фермерского сословия.

Среди элементов социоресурсного потенциала фермеров выявлен ряд тенденций, накладывающих негативное влияние на перспективы укоренения фермерства в сельском сообществе. Так, выявлен недостаточный уровень специализированных сельскохозяйственных знаний среди действующих фермеров и существенное снижение числа тех, кто совершенствовал необходимые фермерские компетенции на стационарных курсах обучения. Установлено, что восполнение образовательных пробелов в основном происходит посредством сети Интернет и самообразовательных стратегий, что также является труднореализуемым по причинам зрелого возрастного состава и сопутствующей ему инертности сознания респондентов.

Список источников

1. В поисках доверия. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija/>
2. Комплексное наблюдение условий жизни населения. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index
3. Мониторинг предпринимательской активности. Россия 2022/2023. – URL: https://gsom.spbu.ru/all_news/event2023-10-10-5
4. Бочарова Е.В. Основные факторы изменения агрокомпетенций в условиях новых глобальных вызовов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 2 (136). С. 23-30.
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016. – URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSXP_2016_T_2_web.pdf
6. Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2020. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html
7. Мореханова М.Ю., Нечаева И.В. Динамика ценностных факторов экономического поведения крестьянства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2009. № 2.
8. ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-by-v-fermery-poshel-ili-vse-taki-v-kolkhozniki>
9. Бочарова Е.В. Основные ориентиры стратегии сбалансированного развития профессиональных навыков и компетенций работников сельского хозяйства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 4 (126). С. 130-135.

10. НАФИ. – URL: <https://rg.ru/2023/05/05/opros-imidzh-selskogo-hoziajstva-privlekateleno-v-fermery-rossiiane-idti-ne-hot-NAFI>

References

1. In search of trust. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija/>
2. Comprehensive monitoring of the living conditions of the population. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index
3. Monitoring of entrepreneurial activity. Russia 2022/2023. – URL: https://gsom.spbu.ru/all_news/event2023-10-10-5
4. Bocharova E.V. The main factors of changes in agricultural competencies in the context of new global challenges. *Regional problems of economic transformation*. 2022;2 (136):23-30. (In Russ)
5. Results of the All-Russian Agricultural Census 2016. - URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSPX_2016_T_2_web.pdf
6. Comprehensive monitoring of the living conditions of the population – 2020. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html
7. Morekhanova M.Yu., Nechaeva I.V. Dynamics of value factors of economic behavior of the peasantry. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2009;(2). (In Russ)
8. VTSIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-by-v-fermery-poshel-ili-vse-taki-v-kolkhozniki>
9. Bocharova E.V. The main guidelines of the strategy for the balanced development of professional skills and competencies of agricultural workers. *Regional problems of economic transformation*. 2021; 4 (126):130-135. (In Russ)
10. NAFI. – URL: <https://rg.ru/2023/05/05/opros-imidzh-selskogo-hoziajstva-privlekateleno-v-fermery-rossiiane-idti-ne-hot-NAFI>

Информация об авторе

И.В. Нечаева – кандидат социологических наук

Information about the author

I.V. Necaeva – Candidate of Sociological Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.04.2024 г.; принята к публикации 28.06.2024 г.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 28.06.2024.